

XV.

Народность и народная старина въ поэзіи Жуковскаго.

Какое мѣсто удѣлено въ міросозерцаніи поэта, такъ всецѣло отдававшаго *себя*, идеѣ русской народности, въ ея языкѣ и бытѣ, въ условіяхъ прошлаго и въ идеалахъ настоящаго? Народность у насъ не отдѣляли отъ понятія романтизма—и искали ее у Жуковскаго.

И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, романтики вступили въ наслѣдіе старшаго поколѣнія, отвернувшись отъ псевдо-классической традиціи къ самосознанію народности, которое въ области литературы поддержано было встрѣчными англійскими теченіями.

Гердеръ создалъ и пустилъ въ ходъ слово *Volkslied*, боевой кликъ, съ которымъ люди *Sturm und Drang*'а соединяли представленіе чего-то стихійнаго, голоса природы, звучавшаго въ пѣснѣ первобытнаго человѣка, а теперь дикаря, близкаго къ природѣ, оригинальнаго генія. Такая пѣсня не творится, а происходитъ по внутренней необходимости, она—естественный актъ; *ich singe, wie der Vogel singt*, повторялось на всѣ лады. Такъ было по теоріи; на самомъ дѣлѣ лишь немногіе, какъ Гёте, способны были открыться очарованію настоящихъ народныхъ пѣсень, большинство принимала оптомъ старыя и новыя, уличныя и помѣщичьи, сочиненныя для народа и перешедшія къ нему. И не штурмеры разобрались въ этой сумятицѣ, а просвѣтители, какъ Николаи, указали имъ на ихъ фактическое непониманіе *Volkslied*'а, такъ мало отвѣчавшее теоретическимъ взглядамъ. Но ферментъ остался и очарованіе обновилось: на долю романтиковъ выпало выяснить ту идею

народной поэзіи, которую мы и теперь считаемъ своею. Въ 1806—7 годахъ Arnim и Brentano издають Des Knaben Wunderhorn, за ними братья Гриммы—извѣстное собраніе нѣмецкихъ сказокъ. Сказки пересказаны вольно, но въ стилѣ, въ пѣсняхъ Арнимъ отнесся съ свободой поэта, но движеніе уже вышло на сознательный путь научнаго исканія и поэтическаго усвоенія, и въ лирикѣ романтиковъ, какъ и у Гёте, звенить струна и отзывается складъ народной пѣсни.

Въ пониманіи современной народной жизни, въ изображеніи родной природы, быта, перебой отъ чувствительно-пасторальнаго освѣщенія къ большей реальности приготовлялся постепенно: онъ замѣтенъ уже у Мюллера и Фосса; явились и попытки литературнаго употребленія нарѣчій, предварившія аллеманскія стихотворенія Гебеля. Но пониманіе нѣмецкой старины еще полно неясной идеализаціи, не различавшей своего и чужого. О кельтахъ и бардахъ знали по Оссиану, о сѣверныхъ скальдахъ по Саксону Грамматику, Олаю, Кохлею и Маллету; тѣхъ и другихъ вмѣнили народному прошлому; Эліасъ Шлегель пишетъ драму на сюжетъ Тевтобургской битвы, раздались бардіеты Рингульфа-Кречмана и Синеда-Дениса, Арминій сталъ героемъ дня (Клопштокъ, Эліасъ Шлегель), имя Hermann—типичнымъ для кореннаго нѣмецкаго юноши (Hermann und Dorothea). Это было патріотическое возстановленіе; другое шло на встрѣчу чувствительно-анакреонтическимъ теченіямъ нѣмецкой литературы. Уже въ концѣ XVII вѣка нѣмецкій Minnesang вызывалъ интересъ и попытки обновленія (Моперошъ, Hofmann von Hofmannswaldau); когда благодаря Bodmer'-Breitinger'у, содержаніе большаго пѣсенника Manasse стало извѣстнымъ, интересъ обновился: миннезингеровъ пересказываютъ, имъ подражаютъ (Bodmer, Gottsched, Klopstock, Gleim, гёттингенцы и др.); современная анакреонтика представилась Бодмеру возродившимся миннезангомъ, но подъ условіемъ, чтобы новые поэты признали его своимъ необходимымъ образцомъ. Сочетаніе Minnesang'a съ анакреонтизмомъ привело къ представленію галантнаго рыцарства: у Миллера влюбленный рыцарь день-деньской бродитъ по слѣдамъ своей милой; у Бюргера идиллическая пастушка пасетъ свое стадо на могилѣ гудошника и т. д. Это одна сторона псевдо-исторической идеализаціи, унаслѣдованной и романтизмомъ; съ другой—строгая, скульптурная фигура Гётевскаго Гёца—первая бытовая картина изъ прош-

лаго, отъ которой вѣетъ духомъ исторіи. И у ней была своя исторія: отъ Гёца и Шиллеровыхъ „Разбойниковъ“ пошли тѣ безконечные рыцарскіе и разбойничьи романы Veit'a, Weber'a (Wächter'a), Шписа, Крамера и др., въ которыхъ живое пониманіе старины уступило мѣсто элементу приключеній и куда романы Уольполя и Mrs. Рэдклиффъ внесли мрачную фантастику духовъ, привидѣній и скелетовъ.

Когда явились на сцену романтики, выросла вмѣстѣ съ ними и наука нѣмецкой старины, черты которой стали представляться яснѣе и раздѣльнѣе, да и у романтиковъ поворотъ къ ней сознательнѣе; бардъ-Оссіанъ отзывается, по старой памяти, лишь у Гёрреса. И вотъ они увлечены миннезингерами и народными книгами, нѣмецкимъ эпосомъ и сагами, средне-вѣковымъ театромъ и Гансомъ Саксомъ, Викрамомъ, изъ художниковъ Дюреромъ. Было надъ чѣмъ призадуматься, что опозитизировать заново, хотя не всегда въ мѣру. Задумчивая фигура Дюрера проходить по страницамъ Sternbalds Wanderungen, и жизнь нѣмецкаго художника XVI вѣка возникаетъ передъ нами въ освѣщеніи романтическаго художческаго идеала; картинки средне-вѣковой купеческой среды вброшены въ мистическую повѣсть Новалиса (Heinrich von Ofterdingen), Ла-Моттъ-Фукэ переносятъ насъ въ эпоху 30 лѣтней войны (Alwin), либо къ крестовымъ походамъ, его кругозоръ обнимаетъ Швецію и Германію, Францію и Аѳрику, на этомъ пространствѣ дѣется что-то таинственное, фатальное, не мѣшающее смѣнѣ южнаго и сѣвернаго освѣщеній и бутафорскому описанію рыцарства (Der Zauberling); Тикъ переноситъ насъ въ мистику католической легенды, къ восторгамъ наивной вѣры, торжествующей среди страданій. Вездѣ идеализація, но подъ нею чувствуется историческая почва, попытка обобщить свое народное прошлое, подвести ему итоги и на нихъ опереть свое самосознаніе.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Жуковскій остался въ преддверіи романтизма.

Начать съ языка. Въ отрывкахъ дневника отмѣчено: Бюргеръ въ балладахъ „единственный, ибо онъ имѣетъ истинно приличный тонъ избранному имъ роду стихотвореній: ту простоту разсказа, которую долженъ имѣть повѣствователь. Его характеръ — счастливое употребленіе *выраженій простонародныхъ* и въ описаніяхъ и въ выраженіи чувства; краткость

и ясность; приличіе и разнообразіе метровъ. Въ особенности изображаетъ онъ очень счастливо ужасное.... Шиллеръ менѣе простъ и живописенъ; языкъ его не имѣетъ *привлекательной простонародности Бюргерова языка*, но онъ благороднѣе и пріятнѣе....; вообще Шиллеровъ языкъ ровнѣе, но онъ не такъ живъ,.... тогда какъ въ Бюргерѣ живость есть, можетъ быть, слѣдствіе свободы, менѣе ограниченной“. Бюргеръ ближе „къ простой, обыкновенной природѣ“; Шиллеръ болѣе философъ, а Бюргеръ простой повѣствователь ¹⁾. Съ этой похвалой *простонародности Бюргерова языка* интересно сравнить отзывъ Полеваго. Жуковский въ басняхъ пытался, „кажется, говорить простонароднымъ языкомъ, но испугался суда современниковъ и пересталъ“ ²⁾; въ 1809 г. онъ находилъ въ басняхъ Крылова „нѣсколько выраженій, противныхъ вкусу, грубыхъ“, которыя не понравятся „людямъ, привыкшимъ къ языку хорошаго общества“ (О баснѣ и басняхъ Крылова). Въ своей Людмилѣ онъ не рискнулъ на реализмъ Катенинской Ольги, и если впоследствии дозволяетъ себѣ вульгаризмы, которыхъ не боялся корректный Дмитріевъ, то главнымъ образомъ въ пьесахъ шутиваго содержанія, долбинскихъ и арзамасскихъ: (взгомозить; шкворень взволдырялъ; и растопорщивши оглобли сани ждуть; пузо бурчить и хлебещеть; нещечко и др.).

На почвѣ языка легко было смѣшать народность съ простонародностью, въ карамзинскій періодъ ихъ не различали. Народная поэзія ставитъ вопросъ именно о народности.

Любовь къ народной пѣснѣ никогда не умирала даже въ нашихъ офранцузенныхъ дворянскихъ семьяхъ XVIII вѣка. Въ сборникахъ того времени онѣ сосѣдять съ захожими романами; Михаилъ Поповъ исправляетъ російскія старыя пѣсни, находя ихъ неблагозвучными и грубыми (Россійская Эрато 1792 г.); являются попытки литературнаго подражанія (Львовъ, Николевъ, Дмитріевъ, Богдановичъ, Нелединскій-Мелецкій, Мерзляковъ), но для поэтическаго ихъ усвоенія время еще не настало. Державинъ, чуткій къ богатству „славянскаго баснословія, сказокъ и пѣсенъ“, собранныхъ Чулковымъ и Ключаревымъ, не открывалъ въ нихъ „поэзіи“: „онѣ

1) Сл. Шевыревъ, О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи Москва, 1853 г., стр. 74, прим. 35.

2) Очерки, I, стр. 110.

одноцвѣтны и однотонны. Въ нихъ только господствуетъ гигантскъ или богатырское хвастовство, какъ въ хлѣбосольтвѣ, такъ и въ сраженіяхъ, безъ всякаго вкуса. Выпиваютъ однимъ духомъ по упату вина, побиваютъ тысячи басурмановъ трупомъ одного схваченнаго за ноги, и тому подобныя нелѣпицы, варварство и грубое неуваженіе женскому полу изъясняющее“.

Всего менѣе можно было ожидать отъ поэтовъ сентименталистовъ, которымъ русскій бытъ и русская природа представлялись сквозь призму Кларана и идеализованныхъ швейцаровъ; схема и рефлексія обязывали ихъ къ извѣстной повышенности настроенія и выраженія, и глаза не открывались на тѣ особенности, которыя видѣлъ въ нашихъ пѣсняхъ Полевой: именно въ ихъ „простотѣ, грубости вымысла и изложенія заключаются красоты необыкновенныя“, выразился онъ по поводу Мерзлякова и другихъ перелагателей народныхъ пѣсенъ¹⁾. У Жуковскаго нѣтъ ничего похожаго на свѣжую сезенгеймскую пѣсенку Гёте: Es sah ein Knab' ein Röslein stehn, наша народная пѣсня его не вдохновила ни своимъ просторомъ, ни формой, къ которой былъ такъ чутокъ Пушкинъ, которая вызывала подражанія Дельвига и теоретическо-патріотическіе восторги Кюхельбекера. Характеризуя на старости лѣтъ „домашнія“, забавныя стихотворенія Жуковскаго, князь Вяземскій говорилъ, что въ нихъ „поэтъ мечтатель, поэтъ идеалистъ явился поэтомъ *реальнымъ* гораздо ранѣе эпохи процвѣтанія такъ называемой реальной или натуральной школы“, и тутъ-же прибавляетъ, что „въ своей домашней поэзіи, на распашку, онъ всетаки остается лебедемъ, играющимъ на свѣжемъ и чистомъ лонѣ свѣтлаго озера, а не уткой, которая полощется въ лужѣ на грязномъ дворикѣ корчмы или харчевни“²⁾. — Поэтический реализмъ гдѣ-то по срединѣ между игрой лебедя и тѣмъ шаржемъ, впадающимъ въ гротескъ, которымъ отличаются многія изъ пьесъ Жуковскаго, писанныхъ „на распашку“.

Все это касается и его стихотворныхъ сказокъ: въ нихъ реальной Русью отзывается развѣ имена Берендея, Ивана Царевича; фантастика не тронута новымъ сниманіемъ или проніей Тика. Пока примѣръ Пушкина не побудилъ Жуковскаго къ литературной обработкѣ сказокъ, онъ интересовался ими

1) Очерки, I, 436.

2) Сл. „Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива“, Русскій Архивъ 1866 г., № 6, ст. 874.

такъ сказать, поодаль, какъ интересовался и Батюшковъ¹⁾, просилъ знакомыхъ записывать ихъ: „эта національная поэзія, которая у насъ пропадаетъ, потому что никто не обращаетъ на нее вниманія: въ сказкахъ заключаются народныя мнѣнія, суевѣрныя преданія даютъ понятіе о нравахъ ихъ и степени просвѣщенія и о старинѣ“²⁾. А между тѣмъ онъ часто искалъ на сторонѣ то, что было у него подъ рукою, свою „Спящую царевну“ въ сказкахъ Перрò³⁾, „Кота въ сапогахъ“ и „Тюльпанное дерево“ въ собраніи Гриммовъ. Въ 1831 году онъ и Пушкинъ писали взапуски „русскія народныя сказки... и чудное дѣло! Жуковскаго узнать нельзя, дивится Гоголь; кажется появился новый обширный поэтъ, и уже *чисто русскій*; ничего германскаго и прежняго. А какая бездна новыхъ балладъ! Онѣ на дняхъ выйдутъ“⁴⁾. Въ 1831 году напечатана была въ „Новосельѣ“ сказка о „Царѣ Берендеѣ“, но въ ней нѣтъ того дѣтскаго простодушія, той младенческой искренности, которая составляетъ существенную прелесть народныхъ преданій, писалъ Надеждинъ⁵⁾. Пушкинъ ждетъ отъ Жуковскаго новыхъ балладъ; „былое съ нимъ сбывается опять“, повторяетъ онъ его слова въ письмѣ къ Плетневу (въ апрѣлѣ 1831 г.), но что это такое: переводы или сочиненія? „Дмитріевъ, думая критиковать Жуковскаго, далъ ему прездравый совѣтъ. Жуковскій, говоритъ онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и рассказывать сказки и потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи. Преданія русскія ничуть не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ ирландскимъ и германскимъ. Если все

1) Соч. I, 240.

2) Письмо изъ Дерпта зимою 1816 г., Русскій Архивъ 1864 г., ст. 468. Сл. письмо къ Маркевичу 24 февраля 1834 г. Къ 1817—19 гг. относится тетрадь, приготовленная Жуковскимъ для замѣтокъ по „Сѣверной миеологіи и поэзіи“. „Подъ именемъ сѣверныхъ народовъ надо разумѣть обитателей Германіи, Даніи, Норвегіи, Швеціи, Бельгіи, Британніи, Исландіи“ (л. 2). На л. 16 заголовокъ: „Суевѣрныя мнѣнія, преданія, сказки народныя“; съ листа 17 по 21-й идутъ „народныя мнѣнія и сказанія нѣмцевъ и другихъ народовъ“ — извлеченія изъ Добенека. Сл. Бумаги Жуковскаго I. с. стр. 165. — Въ 8-й строфѣ баллады „Старушка“ одинъ стихъ, не отвѣчающій оригиналу подсказанъ былъ Жуковскому, можетъ быть, русскимъ повѣрьемъ: вѣдьма „власы невѣсть въ огнѣ волшебномъ згла....

3) Полевой, Очерки I, 118.

4) Къ Данилевскому 1831 г. 2 ноября.

5) Телескопъ, 1833 г., ч. XIV, № 5, стр. 100.

еще его несетъ вдохновеніемъ, то присовѣтуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о кievскихъ чудотворцахъ: прелесть простоты и вымысла“. Совѣтъ хорошъ, но едва ли Жуковскій пошелъ бы далѣе елейно-поэтическихъ пересказовъ: тутъ было мѣсто для его „дѣйствованія“, тогда какъ Тиковская Геночева вся состоитъ изъ сплетенія земныхъ и небесныхъ мотивовъ, христіанскаго аскетизма и такихъ эпизодовъ, какъ подсказанная Шекспиромъ сцена у балкона, вся сотканная изъ любви и звѣздъ, цвѣтовъ и луннаго свѣта.

Въ 1845 году Жуковскій предложилъ Плетневу для Современника сказку объ Иванѣ Царевичѣ, „во всѣхъ статьяхъ русскую, рассказанную просто, на русской ладъ, безъ примѣси постороннихъ украшеній“, хотя самъ авторъ сознается, что впряталъ въ нее „многое характеристическое, разбѣянное въ разныхъ русскихъ народныхъ сказахъ; подъ конецъ же я позволилъ себѣ и разболтаться“¹⁾. Прочтя сказку вмѣстѣ съ Плетневымъ, кн. Вяземскій замѣтилъ, что „такъ называемые ревнители народности“ стануть ее критиковать, скажутъ, „что Иванъ Царевичъ лишенъ яркихъ красокъ сказочнаго русскаго языка и больше представляетъ собою собственное ваше (Жуковскаго) сочиненіе“. Иначе судить Плетневъ: „въ Иванѣ Царевичѣ не то достоинство, будто бы она (какъ вамъ хотѣлось) удержала въ себѣ весь характеръ той сказочницы, о которой вы такъ живо вспоминаете, но то, что летать съ нимъ легко, чувствуешь около себя дѣйствительно сказочную Русь, рѣчь вездѣ такая понятная и такъ близкая къ русскому сердцу и памяти выросшаго на рукахъ русскихъ нянюшекъ, а между тѣмъ есть и большое разнообразіе, какъ въ самой натурѣ, — рассказъ то шутливъ, то степененъ, то возвышенъ, то простъ. Видно, что эта сказка идетъ не изъ избы мужицкой, а изъ барскаго дома, и говоритъ ее не барской подлипало, а прямой поэтъ“²⁾.

„Сказку Жуковскаго о „Жарь - Птицѣ и сѣромъ волкѣ“ я читалъ въ Современникѣ, писалъ брату Н. М. Языковъ (19 января 1846 г.); хороша, и очень хороша, хотя и не соблюдено въ ней уваженіе къ русскимъ сказкамъ: въ нее ввелъ Жуковскій и Бабу-Ягу и гусли-самогуды и кое что прибавилъ. Это, по моему, не годится въ нѣкоторомъ смыслѣ“³⁾.

1) Къ Плетневу 1 іюля 1845 г.

2) Плетневъ Жуковскому 25 декабря 1845/6 января 1846 г.

3) Русская Старина 1903 г. мартъ стр. 537.

Понятно, что при указанныхъ условіяхъ, русскій бытъ и природа должны были являться въ нѣсколько отвлеченныхъ поэтическихъ образахъ, не свидѣтельствующихъ о непосредственномъ наблюденіи. Въ первомъ текстѣ „Марьиной рощи“ Марія сидитъ за самопрялкой и роняетъ веретено; издатель Аглаи замѣтилъ автору, что Марія могла уронить веретено только сидя за прялкой, Жуковскій отдѣливается шуткой: его Марьиная роща, будто бы, вся основана на древнихъ рукописяхъ и преданіяхъ; въ одной рукописи, современной, кажется, великому князю Владимиру, сказано, что Марія сидѣла за самопрялкой, въ другой, временъ Владимира Мономаха, говорится о веретенѣ. Авторъ свелъ оба показанія, пожертвовавъ естественною вѣроятностью вѣрности исторической. Для чего бы, на примѣръ, и мнѣ, вмѣсто того, чтобы умирать со скуки надъ пыльными, едва понятными записками древнихъ бытописателей, не спросить у первой попавшейся мнѣ крестьянки: имѣетъ ли она въ рукахъ веретено въ то время, когда сидитъ за самопрялкой? Она отвѣчала бы мнѣ рѣшительнѣе всякаго манускрипта, современнаго великому князю Владимиру“. Показателемъ русской природы, въ сентиментальномъ освѣщеніи Жуковскаго, является въ „Марьиной роцѣ“ и „Трехъ поясахъ“ цвѣтокъ: Маткина душка. Въ „Свѣтланѣ“ русскихъ бытовыхъ подробностей больше, но онѣ декоративныя, не подчеркивающія впечатлѣнія—народности.

Необходимо, замѣтить, что чувство народнаго, мѣстнаго у Жуковскаго вообще какъ-то схематично - отвлеченно, изображаетъ-ли онъ русскую, восточную или западную жизнь. Въ его переводахъ названія мѣстностей часто опущены, и вы недоумѣваете, гдѣ вы, и какіе нравы васъ окружаютъ. Въ „Пѣснѣ бѣдняка“ (изъ Уланда) благовѣсть замѣнилъ органъ, дьячки въ стихаряхъ и кадила являются въ „Старушкѣ“ изъ Саути; въ „Воскресномъ утрѣ въ деревнѣ“ Гебеля, которымъ Жуковскій такъ увлекся въ Дерптѣ ¹⁾, богослуженіе совершается по нашему обряду, а

1) Батюшковъ не раздѣлялъ его вкуса; его письмо къ Жуковскому (1-го августа 1819 г.) относится къ тѣмъ многимъ, предупредительнымъ, въ которыхъ выражались опасенія его друзей: „прошу тебя писать ко мнѣ; чего тебѣ стѣдить, когда ты имѣешь время писать ко всѣмъ фрейлинамъ, и еще время переводить какого-то Базельскаго Пиндара на какіе-то пятистопные стихи, и со всѣмъ этимъ — писать еще, какъ Жуковскій!“ (сл. выше стр. 303 слѣд.).

въ „Дочкѣ хозяйки“ (изъ Уланда) мы встрѣчаемся съ русской картиной: „Въ свѣтлицѣ свѣча предъ иконою горить“. Въ переводѣ „Овсянаго киселя“ (изъ Гебеля) нѣмецкое настроеніе осталось, не смотря на русскія имена („и Иванъ, и Лука, и Дуняша“) и такія выраженія, какъ „гнѣдко“ = Esel, „заскородилъ овесъ“, „колосъ оброщенный“.

Историческія повѣсти и поэмы Жуковскаго отражаютъ то же пониманіе въ области народной старины. Оно восходитъ къ историческимъ представленіямъ и операмъ Екатеринѣ II и Державина и къ сказкамъ Чулкова, передѣлавшаго на манеръ Bibliothèque Bleue „повѣствованія, которыя рассказываютъ въ каждой харчевнѣ“. Далѣе традиція продолжается отъ „Добродѣтельной Розаны“ Лазаревича (1782 г.) и „Владимира“ Хераскова (1785 г.) до „Славянъ“ Богдановича и первыхъ опытовъ Карамзина („Наталья, боярская дочь“, 1792 г.; неоконченный „Илья Муромецъ“, 1794 г.) и Радищевыхъ („Бова“ Александра Радищева и „Алеша Поповичъ и Чурила Пленковичъ“ Николая Радищева, 1801 г.). „Вадимъ“ Жуковскаго явился въ одинъ годъ съ „Марфой Посадницею“ Карамзина и анонимной „Ольгой“ (1803 г.). Въ слѣдующемъ году вышелъ, по смерти автора, отрывокъ „Добрыни“ Н. Львова; „Оскольдъ“ М. Н. Муравьева, напечатанный въ 1810 году, написанъ, быть можетъ, равнѣ.

Вездѣ одинъ и тотъ-же сентиментально-классическій или оссіановскій, позже романтически-рыцарскій рецептъ (Кюхельбекеръ, Марлинскій, кн. А. Н. Одоевскій); историческое освѣщеніе — патріотическое, крикливое или цдилпческое. Дворъ Чулковскаго Владимира славится, несчетныя сокровища потрачены на „огромныя зданія, народныя и государственныя“; у князя „милліонъ войска“ лишь для великолѣпія монаршаго: съ него довольно и богатырей, съ ними „легко было бы ему завоевать цѣлый свѣтъ, если бы не удержали его отъ этого добродѣтели“. Какъ русская природа идеализовалась иной разъ на манеръ швейцарской Аркадіи, такъ и на народную старину переносили укладъ западной средневѣковой жизни, отъ Атиллы до рыцарства включительно. Оттуда шла и фантастика, наивно мѣшавшаяся съ тѣмъ, что знали о русской, ставившая Перуна рядомъ съ Однимъ (у Екатерины II), бабу ягу съ Венерой (Державинъ, „Добрыня“). „Барды“ держатся у насъ отъ Державина до Жуковскаго и Языкова; въ „Поэзіи“ Карамзина бардъ — Моисей. Излюблены русско-варяжскія отношенія и пошла въ

ходъ скальды и Валгалла, Валки-валкирии (Державинъ и др.); скальды и Бальдеръ, Перунъ и Радегастъ перенесены къ временамъ Атиллы въ славянскихъ пѣсняхъ Львова, подражаніи амазонскимъ пѣснямъ Вейса, которыя Львовъ считаетъ славянскими ¹⁾. Имена богатырей взяты изъ Чулкова, изъ него же или изъ Попова, Львова, Кайсарова — фантастическая славяно-русская миеологія: Перунъ, Святovidъ, Лада и волшебница Добрада. Державинъ („Добрыня“) нашелъ ее въ чулковской сказкѣ, гдѣ она — благодѣтельная фея, покровительница Добрыни, который и получилъ отъ нея свое имя; въ другомъ мѣстѣ Державинъ описываетъ „домъ благодатныя, неблазныя Добрады, Богини всякаго добра“ съ примѣчаніемъ, что это „богиня древнихъ сѣверныхъ народовъ“ („Обитель Добрады“ 1808 г.). Она является въ „Трехъ поясахъ“ Жуковского, мы съ ней еще встрѣтимся. — У Хераскова Усладъ — славянский богъ, какъ у Глинки („Древняя религія славянъ“) и Кайсарова („Славянская миеологія“, съ ссылкой на Хераскова); „богъ пиршествъ и роскоши, чтимый въ Кіевѣ“ (Львовъ) ²⁾; у Жуковского это подходящее имя для влюбленнаго пѣвца, въ которомъ онъ любилъ изображать себя ³⁾; авторъ „Ольги“ изобрѣтѣтъ и „Разсуду-Минерву“. Сказывается вліяніе мотивовъ „Слова о полку Игоревѣ“: Херасковъ подражаетъ плачу Ярославны, Баянъ обобщается въ томъ же значеніи, какъ бардъ и скальдъ. Среди именъ Владимира, Игоря, Гостомысла (богатырь у Глинки), Радегаста (богъ варяжскихъ славянъ у него же, Кайсарова, Львова) посчастливилось Рогдаю Никоновской лѣтописи: Херасковъ въ своемъ „Владимирѣ возрожденномъ“ (1785 г.) изобразилъ этого рыцаря вольнодумцемъ, готовымъ помѣряться съ Богомъ; у Львова онъ стоитъ въ перечнѣ владимировыхъ богатырей (Яна, Рогдая, Муромца Ильи, Александра, Андриана, Добрыни) ⁴⁾.

1) Иппокрена, 1801 г., часть 8, стр. 230 слѣд., ч. 10, стр. 353 слѣд.; сл. iv. ч. 9 его олегія къ Милевѣ и къ богамъ, стр. 193 слѣд. и 273 слѣд.

2) Иппокрена 1801 г., часть 9, стр. 231, прим. 5.

3) „Марына роца“; въ „Жалобѣ“, передѣлкѣ Шиллеровскаго *Der Jungling am Bache*, Усладъ замѣнилъ безыменнаго *Jungling*, Кнабе. Сл. стихотвореніе кн. Вяземскаго „Усладъ“, Полн. собр. соч., т. III, № CI, и сказку В. Л. Пушкина „Людмила и Усладъ“ на тему, что собака вѣрнѣе любовницы, Труды общества любителей русской словесности ч. XIII, 1819 г., стр. 67 слѣд. Сл. „Пѣвецъ Усладъ“ Катенина и чувствительнаго пѣвца, баяна, Услава у Языкова.

4) Иппокрена 1801 г., ч. 10, стр. 409; сл. его-же: Храмъ славы росій-

Его знает Жуковский („Марьяна роца“ 1803 г.), Нарѣжный („Славянскіе вечера“ 1809 г.: Рогдай); въ балладѣ Кюхельбекера („Рогдаевы псы“) онъ — новгородскій посадникъ, могучій и смѣлый, попавшій „въ опасный полонъ неисходной любви“ къ своей ливонской плѣнницѣ, которая предпочла ему другого похитителя—татарина. Тема та же, что въ сказкѣ В. Пушкина („Людмила и Усладъ“). — Но въ особенной модѣ Вадимъ. Онъ издавна являлся типомъ патріота, либо носителемъ общественной идеи: онъ интересуется Екатерину II, Княжнина, Хераскова и Муравьева, Карамзина и Жуковского, Раевского, А. С. Пушкина, Рылѣва, Хомякова¹⁾. Княжнинъ сдѣлалъ его глашатаемъ народной свободы, въ Оскольдѣ Муравьева Вадимъ, возставшій противъ Рюрика и потерпѣвшій пораженіе, явился въ освѣщеніи сентиментализма и оссіанизма на классической канвѣ: на сценѣ „дѣвы мстительницы“, сѣверныя „неутомимыя валки“, чертоги Одина, восторженный скальдъ и Вальмиръ, питающій на дикихъ берегахъ Чудскаго озера глубокую свою задумчивость. „Вадимъ“ Жуковского написанъ въ томъ же тонѣ: мѣсто дѣйствія — берега Ладоги, осенній вечеръ; солнце катится въ шумящее озеро, воетъ вѣтеръ, летятъ мрачныя облака и дымятся сѣдые туманы. Изгнанникъ Гостомысль, когда-то властитель Новгорода, которымъ завладѣли иноплеменники, сидитъ на порогѣ хижины и поетъ подъ звуки арфы: „Шумите, шумите вѣтры, чада угрюмаго Посвиста (Борей славянскій)“. Сюда является къ нему Вадимъ, сынъ Гостомыслова друга Радегаста, прелестный, какъ Дагода (= Зефиръ), величественный, какъ Святovidъ (богъ лѣта и брака, которому поклонялись славяне Рюгена). Онъ когда-то видѣлъ Гостомысла въ его величіи, грознымъ полководцемъ, видѣлъ славянъ, благословляющихъ память изгнанника Радегаста, видѣлъ вѣнцы, летящія къ ногамъ его сына, и „вообразилъ себя сыномъ Великаго Новгорода“. Что разумѣется подъ „гражданномъ“, остается неяснымъ, ибо повѣсть, планъ которой снятъ съ флоріановскаго Вильгельма Телля, не кончена,

скупъ героевъ отъ временъ Гостомысла до царствованія Романовыхъ. СПб. 1803 г., стр. XXXVII и 19: раменистый Рогдай.

1) 23 ноября 1825 г. Сергѣй Ив. Тургеневъ писалъ Жуковскому изъ Москвы, рекомендуя молодого Хомякова: „заставьте современемъ прочесть себѣ его поэму Вадимъ“. Сл. Русскій Архивъ 1902 г., июль, стр. 457.

но мы можемъ предугадать освѣщеніе Жуковскаго, если вспомнимъ, что для него понятія гражданственности, свободы, исчезли въ требованіи личнаго развитія, преуспѣянія человѣчности, „души“. Позже обновляется Княжнинскій взглядъ на Вадима; когда Кюхельбекеръ читалъ въ Парижѣ о либеральномъ движеніи въ Россіи, Вадимъ былъ для него представителемъ Новгородской вольности; такъ и въ неконченной думѣ Рылѣва.

Уже первыя послѣ „Вадима“ повѣсти Жуковскаго, „Три пояса“ и „Марьяна Роца“ (1808 г.), даютъ понятіе о той идиллической и вмѣстѣ торжественной утопіи, какой представилась ему русская древность. Между этими повѣстями, не лишенными автобіографическаго значенія, и „Двѣнадцатью Спящими Дѣвками“ („Громобой“ 1810 г., „Вадимъ“ 1817 г.) слѣдуетъ помѣстить „комическую оперу“, до послѣдней поры остававшуюся въ рукописи и, вѣроятно, никогда не предназначавшуюся къ обработкѣ: „Богатырь Алеша Поповичъ, или страшныя развалины“¹⁾. Она въ прозѣ, съ стихотворными партіями, романсами и дуэтами для пѣнія, и снабжена подробными сценическими указаніями. Набросокъ (1804—8 гг.) писанъ на бумагѣ 1804 г.; въ томъ же году Державинъ напечаталъ своего „Добрыню“, театральное представленіе съ музыкой, содержаніе котораго навѣяно Чулковской сказкой. Связь между этой пьесой и либретто Жуковскаго представляется очень вѣроятной: то же смѣшеніе прозы съ пѣснями, при чемъ во многихъ случаяхъ преимущество народнаго колорита на сторонѣ Державина; тотъ же кропотливый сценарій, есть сходныя положенія, тѣ же роли Добрады и Торопа, комическая партія котораго намѣчена; Жуковскій довелъ своего Барму до шаржа. Разница въ фантастикѣ: у Державина она сказочно-классическая, Жуковскій ударился теперь въ ту фантастику, которую ввели въ моду нѣмецкіе романы 80—90 годовъ, полные привидѣній и разбоевъ, кровосмѣшеній и таинственной игры случая. Все это нравилось Жуковскому, пока въ грубоватомъ подражаніи, и все это одухотворится: Алеша приготовитъ „Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ“, пересказанныхъ по роману Шписа. Какъ Вадимъ будитъ дочь грѣшнаго Громобоя изъ ея волшебнаго сна и женится на ней, такъ въ либретто Алеша Поповичъ путемъ разныхъ приключеній добываетъ

1) Напечатана впервые въ изданіи проф. Архангельскаго, т. 4-й, стр. 78 слѣд.

дочь Громобоя Любимиру, которую скупой бояринъ не хотѣлъ выдать за бѣднаго богатыря; Вадимомъ руководить какой-то таинственный старецъ, Алешей духъ убитой мужемъ Милолики, являющійся въ видѣ старца. Судя по тому, что въ трехъ мѣстахъ рукописи вмѣсто Любимиры стоитъ зачеркнутое имя Матильды, мы вправѣ предположить, что, какъ для „Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ“, Жуковский могъ заимствовать канву либретто изъ какого-нибудь нѣмецкаго источника: имя Матильды напоминаетъ героиню Новалиса (Heinrich von Ofterdingen). Оsvѣщеніе русской жизни—средневѣковое рыцарское; кромѣ Алеши, богатыри (Добрыня Никитичъ, Чурило Пленковичъ, Васплій Богуслаевичъ, Ерусланъ Лазаревичъ, Илья Муромецъ) являются исключительно въ качествѣ хора: ихъ застава—гостинница Силуяна, къ которой дѣйствіе постоянно возвращается; они пьютъ подъ пѣсню и балалайку Соловья-пѣвца, либо куда-то ѣдутъ, и снова въ гостинницѣ. Соловей видѣлъ въ Кіевѣ, какъ на „играхъ богатырскихъ“ отличился Алеша, видѣлъ, „что вы очень умильно поглядывали на прекрасную Любимиру, дочь боярина Громобоя, что вы даже краснѣли, когда нечаянно встрѣчались съ нею глазами, что она сама краснѣла, что вы одни ее занимали“. Алеша сознается, что влюбился: „побѣдилъ и остался побѣжденнымъ“. Илья говоритъ въ томъ же тонѣ: видно „плѣнила тебя какая-нибудь красная дѣвушка“, спрашиваетъ онъ Чурилу. Чурило: „Я не смотрѣлъ на нихъ! И было ли время смотрѣть?“ „Не смотрѣлъ! Право? Какой чудакъ! Для чего же ты живешь на свѣтѣ? По моему мнѣнію человѣкъ, у котораго сердце не забьется при видѣ красавицы, конечно, безъ нужды бременить землю. Я бы посовѣтывалъ ему поскорѣе утопиться“. Любимира, успѣвшая полюбить Алешу, просватана за богатаго Калиту, но Алеша получить ея руку, если совершитъ подвигъ—искупленія. Недалеко отъ Кіева стоялъ замокъ богатыря Горюна, котораго прозвали разбойникомъ „за то, что онъ разбойничалъ по дорогамъ; говорятъ, что онъ былъ другъ одного злаго чародѣя людоѣда, безбожника, сожженного молніей Перуна“. Долго онъ „проказничалъ на семь свѣтѣ, не было отъ него проходу ни встрѣчному, ни поперечному“; онъ зарѣзалъ свою жену Милолику, духъ которой не знаетъ съ тѣхъ поръ покоя; наконецъ онъ и самъ пропалъ не вѣдомо куда, замокъ его обратился въ развалины, „тамъ дѣлаются страшныя чудеса: тамъ видятъ огромныхъ волотовъ съ

огненными глазами, рогатыхъ лѣшаевъ, русалокъ, которыя кричать, воютъ, плачутъ, смѣются“. Въ развалинахъ богатый кладъ, кто успокоитъ духъ Милолики, тому онъ и достанется. Алеша смѣется надъ этими росказнями: онъ „пересмѣшникъ“, какъ въ былинахъ ¹⁾, влюбленъ, какъ и былевой Алеша охотникъ до любовныхъ приключеній: можетъ быть, такая же идеализація пѣсеннаго типа, какъ кощунствующій Рогдай у Хераскова напоминаетъ былинну о гибели богатырей на Руси. — Милолика является ему въ образѣ старпка и говоритъ, что онъ достигнетъ своей цѣли, т. е. достанетъ Любимиру, если побѣдитъ препятствія и не забудетъ „о бѣдномъ, страдающемъ духѣ въ ужасныхъ развалинахъ“; то же повторяетъ ему и его покровительница, волшебница Добрада: онъ избранъ Чернобогомъ, чтобы прекратить страданья Милолики, и въ награду за смѣлость получить руку милой.

Въ дальнѣйшихъ подвигахъ Алеши принимаетъ участіе его оруженосецъ Барма (сказочное имя) „кудрявая голова“, трусь, хвастунъ и объѣдало, напоминающій своей ролью Лепорелло; въ сущности, одна его партія и даетъ право на названіе оперы комической. Прежде всего Алеша ѣдетъ къ Громобю, говоритъ, что любитъ его дочь, „какъ должно совѣстному богатырю“, и „что одна любовь дѣлаетъ жену счастливою“ и т. д. Громобой отказывается; „Бѣдный я чело-вѣкъ! плачется Алеша; Лада мнѣ жестоко отмстила! Я прежде смѣялся надъ любовью, называлъ ее сумашествіемъ, думалъ объ однихъ сраженіяхъ, гонялся за дикими звѣрями, побивалъ войска и побѣждалъ богатырей, теперь люблю страстно и пламенно.... Но развѣ нѣтъ никакой надежды?... а волшебница Добрада?“ Онъ готовъ дѣйствовать. Между тѣмъ въ теремъ Любимиры, бесѣдовавшей съ мамкой о своей несчастной любви, является въ образѣ дѣвочки Добрада и поетъ подъ звуки лиры романсъ, въ которомъ вѣщаетъ ей, что „милый другъ сердца“ скоро явится. Волшебница исчезла, а Алеша уже въ теремѣ происходитъ объясненіе въ любви, прерванное появленіемъ Калиты и Громобоя; его челядь окружила и обезоружила Алешу, но раздается громовый ударъ, является „духъ въ видѣ воина,

1) „Богатырь забавнѣйшій изъ всѣхъ, заслужившихъ сіе имя“; „не столько славенъ своею силою, какъ хитростью и забавнымъ нравомъ“. См. Чулковъ, Русскія сказки, Повѣсть о Добрынѣ.

покрытаго черными латами съ закрытымъ забраломъ шлема“. Развѣ мало одного убійства? обращается онъ къ Калитѣ; при этомъ задняя декорация поднимается, „видѣнъ черный лѣсъ, на землѣ лежитъ женщина, окровавленная, съ кинжаломъ въ груди. Геній смерти въ покрывалѣ съ потупленною головою, обративъ факелъ жизни, погашаетъ его“. Женщина эта — Мирослава, дочь стараго Добрыни, убитая Калитой за то, что отвергла его любовь. „О Перунъ! я погибъ!“ кричитъ Калита и падаетъ на землю; духъ и Алеша Поповичъ исчезаютъ.

Богатыри сидятъ у Силуяна, они узнали объ участи Алеши и готовятся отмстить за „названнаго брата“, когда является и онъ самъ; комическая сцена съ Бармой, который слышалъ о приключеніи въ палатахъ Громобоя и принимаетъ Алешу за привидѣніе. Между тѣмъ Громобой готовится бросить дочь въ погребъ, пока она не согласится на бракъ съ Калитой, но Добрада въ видѣ генія съ арфой уводитъ ее на глазахъ у всѣхъ, а духъ Милолики (въ образѣ старушки) говоритъ, будто Любимира утопилась въ Днѣпрѣ; Калиту она предостерегаетъ, что онъ семь разъ будетъ убійцей невинныхъ для искупленія смерти своей матери; шесть убійствъ уже совершилось, седьмое совершится съ его смертью. Калита оказывается сыномъ Милолики.

Въ слѣдующемъ явленіи Алеша и Барма идутъ къ развалинамъ по лѣсу, мѣсяцъ свѣтитъ, Добрада въ видѣ мальчика передъ ними съ факеломъ въ рукѣ; Барма труситъ, какая-то рука бьетъ его по зубамъ; онъ принимаетъ дерево за великана, проситъ, чтобъ ему позволили вернуться, и ужасный духъ съ дубиною и огромнымъ фонаремъ отводитъ его назадъ въ гостиницу. — Алеша въ развалинахъ: „на стѣнахъ мохъ, трава. Окна, двери обрушились. Въ горницѣ, пространной, со сводомъ, видны признаки скорого бѣгства. Разбросанныя платья; на столѣ горятъ два свѣтильника, на полу кинжалъ“. Явленіе духа Милолики. „Меня умертвилъ супругъ мой. Я спасла одного несчастнаго юношу, котораго онъ измѣннически заманилъ въ свой замокъ, затѣмъ, ограбивъ, закололъ“. Алеша долженъ отыскать мѣсто, гдѣ погребенъ Горюнь, и похоронить съ нимъ тѣло Милолики, брошенное имъ въ источникъ; лишь тогда она успокоится „въ объятіяхъ Чернобога“; ея сынъ Калита никогда не зналъ ни отца, ни матери, и не узнаетъ (какъ въ романѣ Шписа, что Жуковский опустилъ въ своихъ „Двѣнадцати Спящихъ Дѣвахъ“); „онъ долженъ семь разъ сдѣлаться убійцею въ 34 года

своей жизни, когда же они пройдутъ, онъ долженъ, въ отмщеніе, умереть отъ руки своей матери“. Алеша обѣщаетъ все сдѣлать; духъ исчезаетъ; Добрада съ пальмовой вѣтвью является позади богатыря и уводитъ его съ собою. Бьетъ 12 часовъ, входитъ Барма (духъ привелъ его не въ гостинницу, а къ развалинамъ) и съ испуга прячется подъ столъ; привидѣнія бѣгаютъ по горницѣ, поютъ „страшнымъ хоромъ“, пляшутъ, но дѣлаются недвижимыми при появленіи Добрады; столъ, подъ которымъ сидѣлъ Барма, исчезаетъ, а самъ онъ вылетаетъ въ окно на огромной летучей мыши. Стукъ и трескъ, занавѣсъ падаетъ.

Богатыри сдѣлаютъ въ гостинницѣ; входитъ Милолика въ видѣ богатыря, въ черной бронѣ, съ пергаментнымъ свиткомъ въ рукахъ, обернутымъ въ черный креплъ, и приглашаетъ всѣхъ въ замокъ Громобоя быть свидѣтелями его поединка съ Калитой: онъ убійца Мирославы. Богатыри обѣщаются и идутъ искать Алешу, чтобы и ему сообщить это извѣстіе. Между тѣмъ Алеша плутаетъ по лѣсу, нашелъ Барму, котораго летучая мышь оставила на утесѣ, но служители Добрыни признали его по вооруженію, похожему на вооруженіе Калиты (голубой панцырь, бѣлыя перья на шлемѣ), за убійцу ихъ боярышни, осилли его и ведутъ. „То-то молодецъ! Насилу его взяли, говоритъ Барма, спрятавшійся во время боя въ кусты. И я не трусь! Я бы имъ не дался въ руки! Но въ чужія дѣла не люблю вмѣшиваться“. Когда Добрада, явившись въ видѣ дочери лѣсника, спрашиваетъ, откуда онъ, онъ отвѣчаетъ, что прямо изъ сраженія: „мы сражались, какъ отчаянные!... Всѣ убѣжали. Я одинъ остался, какъ видшь, непобѣдимымъ“. Добрада хочетъ проучить хвастуна; въ слѣдующей продѣлкѣ участвуетъ и Милолика, являющаяся лѣсниковой дочерью, за которой начинаетъ ухаживать Барма, а затѣмъ обращающаяся въ дряхлую, безобразную старуху. Шутка кончается тѣмъ, что духи окружаютъ Барму и выгоняютъ его бичами.

Богатыри приѣзжаютъ къ Громобоя, Чурило обвиняетъ Калиту, и бой назначенъ. Милолика освобождаетъ Алешу, котораго Добрыня заключилъ въ погребъ; Добрыня она говоритъ, что убійца его дочери — Калита, съ нимъ сразится Алеша.

Мѣсто поединка огорожено черными перилами, на черныхъ скамьяхъ богатыри, судьи поединка, въ черныхъ латахъ. Во время боя является духъ Мирославы и Милолика въ образѣ

старика; она удерживаетъ Калиту, бросившагося съ булавою на Алешу, у котораго сломался мечъ; заставивъ Калиту признаться въ убійствѣ и принявъ свой собственный видъ, она поражаетъ его кинжаломъ: „умирай отъ кинжала своей матери“!

— „Моя мать!“ восклицаетъ онъ, падая.

Громобой горюетъ по дочери; онъ одинокъ, на что ему богатства? Онъ сталъ добрѣе и пріютилъ у себя старушку-Любимиру и мальчика-Добраду: онъ замѣняетъ ему потерю. Любимира открывається ему; отецъ въ восторгѣ, посылаетъ за Алешей и богатырями, велитъ все готовить для помолвки, хочетъ веселиться.

А между тѣмъ Алеша съ Бармой ѣдутъ къ пустыннику-Милолику: она показываетъ Алешѣ его будущее (видѣніе его брачнаго торжества въ храмѣ Лады) и прошедшее (видѣніе Алеши-пловца, корабль котораго разбивается о камни, старикъ является посреди волнъ и спасаетъ его) и говорить о несчастномъ, тридцать лѣтъ томящемся здѣсь въ подземельѣ: онъ страдаетъ „за свои преступленія, желаетъ смерти, которая бѣжитъ отъ него, проклинаетъ жизнь и живетъ“, пока какой-нибудь смѣлый юноша не согласится добровольно подать ему руку помощи. Алеша сходитъ въ подземелье (пока Добрада потѣшается надъ Бармой); передъ нимъ Горюнь въ цѣпяхъ, блѣдный, сухой, борода по колѣна; когда-то онъ звался Пересвѣтомъ, затѣмъ его прозвали Горюномъ; убійства и грабежи были ему забавой; когда онъ закололъ Милолику, духи мщенья повергли его въ подземелье, заковали въ оковы; здѣсь онъ томится, милосердный пустыжникъ (Милолика) приноситъ ему пищу. Алеша говоритъ ему, что успокоеніе Милолики требуетъ, чтобы онъ оставилъ это мѣсто; оковы падаютъ съ Горюна; громовый ударъ, и онъ узнаетъ глухой лѣсъ, источникъ, куда онъ бросилъ тѣло убитой, въ сторонѣ развалины замка. Алеша открывається ему, что онъ до тѣхъ поръ будетъ страдать и странствовать, пока его прахъ не будетъ покоиться подлѣ костей Милолики. „Рѣшись, Пересвѣтъ!“ и тотъ готовъ безъ трепета покориться, приближается къ источнику и падаетъ въ него, сраженный молніей. Преображенная Милолика является въ облакѣ, съ оливной вѣтвью въ рукахъ, благодаритъ Алешу за свое избавленіе; сокровища въ развалинахъ достанутся ему, пусть спѣшитъ въ объятія Любимиры.

Либретто кончается картиной съ участіемъ Добрады и духовъ: пылающій жертвенникъ, богатыри; Любимира бѣжитъ въ объятія Алеши, Громобой соединяетъ ихъ руки.

Таково содержаніе „Алеши“; онъ остался въ черновикѣ, но „Громобой“ и „Вадимъ“ вышли изъ тѣхъ же матеріаловъ. Имя Громобоя взято, вѣроятно, изъ Чулковской сказки („Повѣсть о дворянинѣ Заолешанинѣ, богатырѣ, служившемъ князю Владимиру“); тамъ его настоящее имя Свенелдъ; по смерти Святослава онъ удалился въ деревню по побужденію волшебницы Добрады, предвидѣвшей, что его сердце, дотолѣ упражнявшееся въ одной храбрости, готовилось дать дань природѣ, что въ праздности и уединеніи должно оно полюбить. Но такъ какъ „опредѣленіе судебъ конечно участвуетъ въ бракахъ“, Свенелдъ никого не могъ полюбить, кромѣ Милены, и онъ ищетъ ее, самъ того не вѣдая. Милена зачарована; ея освободитель долженъ быть „пригожъ, добродѣтеленъ и неустрашимъ“. И Добрада ведетъ Громобоя къ Миленѣ; ихъ сынъ Звениславъ, дворянинъ Заолешанинъ. — „Громобой“ Каменева (отрывокъ) взятъ изъ сказки; кромѣ имени главнаго дѣйствующаго лица (Громобой, наперсникъ Святослава), еще и Звениславъ; вмѣсто Милены = Калханта.

Чулковская сказка указывала на мотивы, приготовлявшіе къ мотивамъ исканія у Шписа. Но надо сличить съ ними „балладу“ Жуковского, чтобы оцѣнить приемы его „подражательнаго творчества“. Ненужныя повторенія фантастическихъ приключеній удалены, планъ сталъ яснѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлѣніе чего-то таинственнаго, нездѣшняго усилилось; по обычаю смягчены эпизоды соблазнительнаго или вообще реальнаго характера: нѣтъ безконечныхъ любовныхъ искушеній, опущенъ рассказъ о необычныхъ условіяхъ, въ которыхъ, по требованію сатаны, долженъ родиться Вилпбалдъ-Вадимъ. Въ концѣ романа Вилибалдъ женится, у него 8 сыновей и 4 дочери; въ старомъ планѣ „Искушенія“ Вадимъ соединяется съ „любезной и идетъ въ домъ родительскій“; въ „Вадимѣ“ все это окружено какой-то неизъяснимой тайной: тайна въ храмѣ, гдѣ

Передъ угодникомъ горитъ,
Какъ въ древни дни, лампада,
И благодатное бѣжитъ
Сіяніе отъ взгляда,

гдѣ кто-то „свѣтлый“ простерся въ алтарѣ передъ погиромъ, тогда какъ Вадимъ съ подругой очутились передъ налоемъ и слышится „гимнъ вѣнчальный“. Все это едва намѣчено, не сказано, все ведетъ къ сценѣ искупленія грѣшника. Этого искупленія ждуть, и увѣренность является;

И было все для нихъ отвѣтъ:
 И холмъ помолодѣлый,
 И луга обновленный цвѣтъ,
 И бѣгъ рѣки веселый,
 И воскрешенны дресеса
 Съ вершинами живыми,
 И, какъ безсмертье, небеса
 Спокойныя надъ ними.

Впечатлѣнiе такое, какъ будто все это дѣется гдѣ-то „тамъ“, въ мирѣ сказки, воздвигающей на Днѣпрѣ, подъ Киевомъ, средневѣковые замки и надѣляющей новгородскаго Вадима не только красотой, мужествомъ „и сердца простотою“, но и настроенiемъ сентименталиста:

Чего искать? Въ какихъ странахъ?
 Къ чему стремить желанье?....
 Все, все Вадиму говорить
 О чемъ-то неизвѣстномъ.

„Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ“ даютъ намъ приблизительное понятiе о томъ, что вышло бы изъ поэмы „Владимиръ“, которую Жуковский затѣялъ въ 1809—1810 годахъ и слѣды которой можно намѣтить до начала 20-хъ годовъ. Эпическая поэма была въ чести; ее ждали отъ Жуковского ¹⁾. „Пши своего Володимира“, поощряетъ его Батюшковъ 26 iюня 1810 г.; планъ еще зрѣетъ въ его головѣ; онъ готовится къ нему, хочетъ „имѣть основательное понятiе о древности славянской и русской“; затѣваетъ путешествiе въ Кiевъ (къ Тургеневу августа 1810 г.); въ слѣдующемъ письмѣ (12 сентября) онъ откровеннѣе: Тургеневъ совѣтовалъ ему предпочесть Свято-

1) Пушкинъ ждалъ ее отъ Гнѣдича: „Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая, писали вы мнѣ когда-то. А Владимиръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ?“ (1825 г. 23 февраля, Мпхайловское).

слава Владимиру, но „Владимиръ есть нашъ Карлъ Великій, а богатыри его — тѣ рыцари, которые были при дворѣ Карла; сказки и преданія пріучили насъ окружать Владимира какимъ-то баснословнымъ блескомъ, который можетъ замѣнить самое историческое вѣроятіе. Читатель легче вѣритъ вымысламъ о Владимирѣ, нежели о Святославѣ, хотя послѣдній по героическому характеру своему и болѣе принадлежитъ поэзіи, нежели первый. Благодаря древнимъ романамъ, ни Аріосту, ни Виланду никто не поставилъ въ вину, что они окружили Карла Великаго рыцарями, хотя въ его время рыцарства еще не существовало. Что же касается святости Владимира, то можно говорить объ немъ и заставить его дѣйствовать приличнымъ образомъ его историческому характеру; къ тому же главнымъ дѣйствующимъ лицомъ будетъ не онъ, а я его сдѣлаю точкою соединенія всѣхъ постороннихъ дѣйствій, для сохраненія единства. Поэма же будетъ не героическая, а то, что нѣмцы называютъ *romantisches Heldengedicht*, слѣдовательно я позволю себѣ смѣсь всякаго рода вымысловъ, но на ряду съ баснею постараюсь вести истинную историческую, а съ вымыслами постараюсь соединить и вѣрное изображеніе нравовъ, характера времени, мнѣній, позволяя, однако, себѣ нравы и мнѣнія времянь до Владимира перенести въ его время, ибо это принадлежитъ къ вольности стихотворнаго дворянства, даннаго нашей братьѣ императоромъ Фебомъ“.

О „Владимирѣ“ упоминаетъ Жуковскій и въ письмахъ къ Тургеневу отъ 4 и 7 ноября того же года („Владимиръ будетъ моимъ ффаросомъ“). Въ 1809—1812 годахъ онъ отмѣчаетъ для себя авторовъ и произведенія, съ которыми ему слѣдовало познакомиться для поэмы; изъ русскихъ источниковъ названы лѣтописи, Духовная Владимира Мономаха, Слово о Полку Игоревѣ, которое Жуковскій собирался переводить¹⁾, народныя русскія пѣсни и сказки; перечень западныхъ представляетъ пеструю смѣсь: Гомеръ, Виргилій, Овидій, Аріостъ, Тассъ, Камюэнсъ, Мильтонъ, Шекспиръ, Саути, Маттисонъ, Вальтеръ Скоттъ, Оссианъ, Эдда, Пѣснь о Нибелунгахъ, западно-европейскія народныя баллады, романы Трессана, Richardet и др. Отмѣчены мѣста, достойныя подражанія: изъ Гомера „каталогъ войскъ“, сравненіе войска съ лебедями и пчелами, единоборство

1) Бумаги Жуковского, стр. 156.

Париса и Менелая; изъ Тасса: описаніе Арמידина сада, Клоринды, очарованнаго лѣса, изъ Роланда (Аріосто) описаніе острова Альцины и т. д. На Виланда нѣтъ указанія, но его Оберона Жуковский затѣвалъ переводить въ 1811 г. ¹⁾, а въ перечнѣ задуманныхъ имъ произведеній, относящемся къ 1812 году, стоятъ рядомъ: „Владимиръ, Оберонъ“ ²⁾, что объясняетъ, быть можетъ, позднѣйшую замѣтку Воейкова при посланіи къ нему Жуковскаго, что Владимиръ былъ затѣянъ въ стилѣ Оберона.

Сохранились въ двухъ небольшихъ наброскахъ „Мысли для поэмы“ и нѣсколько относящихся до нея фразъ, изъ которыхъ отмѣтимъ слѣдующую: „Царь-Дѣвица мститъ за брата своего, убитаго Ильей, требуетъ, чтобы онъ былъ отданъ ей въ руки. Царь-Дѣвица встрѣчается съ Ильей и ѣдетъ съ нимъ въ замокъ любви, не зная его. Онъ избавляется Добрыней. Вѣдьма, очаровавшая богатырей“. Это, можетъ быть, мотивъ былинъ о „трехъ поѣздкахъ Ильи“, но навзнанку: Илья заѣзжалъ къ прекрасной королевичнѣ (Зенирѣ у Рыбникова IV, 25), которая хочетъ прельстить его, но Илья ее перехитрилъ и освобождаетъ заключенныхъ ею богатырей Алешу и Добрыню.

Именно Добрыня долженъ былъ быть героемъ поэмы, какъ въ неконченной поэмѣ Львова и у Державина; имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ подтверждаютъ знакомство Жуковскаго съ Державинскимъ „Добрыней“, можетъ быть, и съ Чулковской сказкой: въ послѣдней Добрыня воспитанъ волшебницей Добрадой, которая помогаетъ ему освободить отъ очарованія царицу Карсену и ея милаго, печенѣгскаго властителя Куруса; они соединяются бракомъ; Добрыня бьется съ Тугаринимъ, притязавшимъ на руку болгарской княжны *Милолики* и подошедшимъ подъ Кіевъ, когда она досталась въ жены Владимиру.

Изъ двухъ дошедшихъ до насъ плановъ поэмы одинъ, краткій, зачеркнутъ авторомъ и, вѣроятно, не дописанъ: Тугаринъ осадилъ Кіевъ, Добрыни нѣтъ въ городѣ, а онъ одинъ можетъ побѣдить Тугарина; въ числѣ богатырей послѣдняго — Полканъ, Зміуланъ, Карачунъ; „Илья, мучимый любовью, въ лѣсу пустыннокомъ; встрѣчается съ Рогнѣдой и креститъ ее.

1) *Иб.*, стр. 53.

2) *Иб.*, стр. 55.

Ерусланъ отыскиваетъ *Милоslаву* въ замкѣ Карачуна. Сраженіе Алеша съ Зміуланомъ, Царь-Дѣвица и Добрыня“.

Второй планъ пространнѣе, но распорядокъ тотъ же. Добрыня посланъ за мечемъ-самосѣкомъ, Златокопытомъ, водою юности, а къ Кіеву подходитъ Полканъ Невредимый, требуетъ, чтобы Владимиръ уступилъ ему свою невѣсту Милолику; привезли ее Ярославъ и Радегастъ новгородскій, „убійца своей любовницы, мучимый привидѣніемъ“. Въ числѣ богатырей Владимира — Рогдай и Громобой, у Полкана-Тугарина — Зилантъ, Зміуланъ. Не даромъ въ разсказѣ о поѣздкѣ Добрыни намѣченъ былъ эпизодъ: „Исторія Добрады и Черномора“; очевидно, вліяніе Чулковской сказки, какъ далѣе Тасса и Аріоста; послѣднее преобразило мотивъ объ Ильѣ и Царь-Дѣвицѣ: вмѣсто нея Зилена, любовница Ильи, оба очарованы въ жилищѣ Люцины. Разсказъ переносится въ Кіевъ и снова къ Добрынѣ; онъ досталъ мечъ и Златокопыта, разрушилъ очарованіе Ксеніи (Карсены Чулкова?), проводитъ съ нею ночь въ долину и лишается ее. Слѣдуетъ возвращеніе Добрыни въ Кіевъ: онъ сражается съ Полканомъ и побѣждаетъ. Владимиръ уступаетъ Милолику Радегасту, являются Ксенія и Добрада, и поэма должна была кончиться брачною ночью Ксеніи съ Добрыней¹⁾.

Мы не сосчитались еще съ нѣкоторыми литературными воспоминаніями, которыя могли имѣть вліяніе на затѣю Жуковскаго: Каменевскій „Громвалъ“, руководимый добродѣтельной волшебницей Добрадой, ищетъ свою милую Рогвѣду, похищенную Зломоромъ; какъ „Раиса“ Карамзина дала Жуковскому имя Людмилы („Три пояса“ 1808 г., „Людмила“, „Плачь Людмилы“ — подражаніе Шпллеровой „Амалии“ 1809 г.)²⁾, такъ неконченный „Илья Муромецъ“ (1794 г.) подарилъ его Черноморомъ и представленіемъ чувствительнаго Ильи, мучимаго любовью (планъ „Владимира“), осуждающаго тѣхъ, кто ею гнушаются („Алеша Поповичъ“). Сѣвъ на берегу рѣки „подъ тѣнью деревъ развѣсистыхъ“, Карамзинъ хочетъ разсказать свою повѣсть тѣмъ, кто находитъ удовольствіе „въ русскихъ басняхъ, въ русскихъ повѣстяхъ, въ смѣси былей съ небылицами“. „О богиня свѣта бѣлаго, ложь, неправда, призракъ истинны“, восклицаетъ

1) См. Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 65—7 и Бумаги Жуковскаго, стр. 150 и 154—5; бумага 1808, 1810, 1811 гг.

2) См. еще Людмилу въ поэмѣ Радищева, „Алеша Поповичъ“.

онъ, призывая фантазію, ту самую, „которая съ Людмилою нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ мнѣ сказала: я люблю тебя!“ И онъ начинаетъ разсказъ о „безсмертныхъ подвигахъ величайшаго изъ витязей, чудодѣя Ильи Муромца!“ Весна; „рыцарь“ Илья ѣдетъ, и хотя онъ „Геснера не читывалъ“, но, имѣя „сердце нѣжное“ и „чувствительную душу“, размышляетъ, любясь „красотою дня“, какъ истый сентименталистъ — на подкладкѣ игривой чувственности. Видитъ шатеръ, около него гуляетъ конь, но витязь не показывается; въ шатрѣ покоится красавица, какой не написалъ бы ни Тиціанъ, ни Корреджіо; она разметалась, и Илья можетъ налюбоваться ея прелестями, напимѣръ, лилейною рукой, „гдѣ всѣ жилки васильковыя были съ нѣжностью означены“. Понятно, какая „сердечная чувствительность въ маслѣ глазъ его свѣтилася“. Два дня и двѣ noci проводитъ Илья въ шатрѣ, а красавица не просыпается. „Какъ Илья, хотя и Муромецъ, хотъ и витязь Руси древній“, могъ просидѣть цѣлую недѣлю, не взявъ въ ротъ маковой росинки, не чувствуя дремы? Это чудо любви: такъ святой монахъ цѣлое столѣтіе пробылъ безъ пищи и сна, слушая пѣніе райской птички. Наконецъ черная муха сѣла на малиновыя уста красавицы; Илья сгоняетъ ее „указательнымъ пальцемъ“, на которомъ сіялъ перстень съ талисманомъ благодѣтельной волшебницы Велеславы, и красавица очнулась: талисманъ подѣйствовалъ на нее, усыпленную чарами „хитраго волшебника, Черномора ненавистника“. Илья понялъ, что красавицѣ надо одѣться, и онъ выходитъ изъ ставки, чтобы не стѣснять ее; она показывается въ доспѣхахъ рыцаря, и оба садятся „подъ сѣнистыми кусточками“. Двѣ минуты продолжается молчаніе, „въ третью чудо совершается“; какое, мы не знаемъ, потому что поэма не кончена; можно подсказать одно изъ положеній, намѣченныхъ въ планѣ Владимира. Русская древность служитъ цѣлямъ трагестіи, чувствительной или романтической: стиль Виландова „Оберона“, приложенный къ „былямъ“ Владимировыхъ богатырей; „небылица“ была именно въ стилѣ, но его несообразность не ощущалась. Въ 1804 году чувствительничаетъ и Державинъ: его Добрыня — „рыцарь“, Владимиръ любитъ спящей Прелѣпой и, въ жилки голубыя

Увидя розову текущу тихо кровь,
Прижалъ къ своимъ устамъ.

Прелѣпа — царица его сердца, онъ ее узналъ; законъ любви царя съ пастушкой равняетъ: Прелѣпа и Добрыня горятъ и млѣютъ другъ къ другу страстью и мечтаютъ соединиться въ небѣ невиннымъ духомъ.

Очень вѣроятно, что Воейковъ узналъ о затѣвѣ Жуковскаго, когда въ началѣ 1813 года, поощряя его къ серьезной поэмі, говорилъ ему о Святославѣ съ Добрынею, о Владимирѣ, нашемъ Готфридѣ и Карлѣ. Въ своемъ отвѣтномъ посланіи Жуковскій сообщаетъ не столько планъ, сколько общее содержаніе поэмы, которая должна была наполнить его „бѣлую книгу“; упоминаніе „Царь-Дѣвицы“ указываетъ на старый планъ, устраненный вторымъ: Кіевъ осажденъ басурманами, виденъ Добрыня, уже скачущій на Златокопытѣ,

Не скачетъ витязь, а летитъ,
Громя Зплантовъ и Полкановъ,
И вѣдьмъ, и чудъ, и великановъ!

Далѣе мотивъ изъ „Слова о Полку Игоревѣ“, который трудно приурочить къ планамъ поэмы: Добрыня скачетъ, а дѣвица-краса глядитъ на его путь изъ терема (не Ксенія?), летитъ за нимъ душою

И такъ въ раздумьи говорить:
*„О вѣтеръ, вѣтеръ, что ты вѣешься?
Ты не отъ милаго несешься ¹⁾,
Ты не принесть веселья мнѣ;
Играй съ касаткой въ вышинѣ,
По поднебесью съ облаками,
По синю морю съ кораблями,
Стрѣлу пернатую отъи
Отъ друга радости моей.*

Интересно сравнить эту передѣлку мотива изъ Слова о Полку Игоревѣ съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ перевода, который въ 1817 году Жуковскій готовилъ для несостоявшагося арзамасскаго журнала: „Голосъ Ярославича слышится, на зарѣ одинокой чечоткою клпчетъ: Полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю.... О вѣтеръ, ты вѣтеръ! Къ чему же такъ сильно вѣешь?

1) Психически-разстроенный Батюшковъ любилъ повторять эти стихи: О вѣтеръ.... несешься. См. Соч. Батюшкова, I, 297.

Почто же наносишь ты стрѣлы ханскія своими легковѣйными крыльями на воиновъ лады моей? Мало ль подоблачныхъ горъ твоему вѣянью? Мало-ль кораблей на синемъ морѣ твоему лѣянью?“

Послание продолжаетъ, намекая: Добрыня бьется съ Бабой-Ягой; далѣе встрѣча съ Дубыней, Горыней; русалка и козлогоній лѣшій въ дремучемъ лѣсу,—

И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги,
Какъ будто слиты изъ огня —
Дворецъ волшебный Царь-Дѣвицы;
Красою бѣлыя колпицы,
Двѣнадцать дѣвъ къ нему идутъ
И пѣснь привѣтствія поютъ,
И онъ

Планъ поэмы, можетъ быть, никогда и не выяснился далѣе этого „И онъ“; что должно было произойти между Царь-Дѣвицей и Добрынею, мы не знаемъ. Въ Чулковской повѣсти объ Алешѣ Поповичѣ богатырь встрѣчается съ Царь-Дѣвицею въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ Карамзинскій Илья; Державинъ въ своей „Царь-Дѣвицѣ“ (1812 г.) замѣнилъ его Маркобруномъ сказки о Бовѣ, описалъ теремъ Царь-Дѣвицы, украшенный „въ солнцахъ, мѣсяцахъ, звѣздахъ“, она гуляетъ „въ рощахъ влачныхъ въ лукоморьѣ“, „и по вѣткамъ птички райски, скакивалъ *заморскій котъ*“; полкъ нимфъ слѣдуетъ за нею, являются женихи; одинъ изъ нихъ несетъ „*колпичъ* алы черевички“. Образы эти обратили вниманіе Жуковского и Пушкина ¹⁾.

Кажется, и послѣ 1813 года Жуковский собираетъ матеріалы для поэмы. Въ одной изъ мыслей, набросанныхъ по ея

1) Въ одномъ эпизодѣ „Бахарьяны“ (Бахарьяна или Неизвѣстный. Волшебная повѣсть, почерпнутая изъ русскихъ сказокъ. Москва 1803 г.), гдѣ такъ мало русскаго, несмотря на заглавіе, въ образѣ Царь-Дѣвицы является волшебница Злодума, похитившая Фелану, которую держитъ на своемъ островѣ, среди соблазновъ и угрозъ, принуждая ее выйти за ея сына, уродливаго Ишима. Содержаніе поэмы состоитъ въ рассказѣ о приключеніяхъ Неизвѣстнаго (имя котораго разоблачается въ самомъ концѣ: Оріонъ), ищущаго свою милую Фелану. Есть и эпизодъ объ очарованіи богатырей: рядомъ съ Эспландіаномъ и Калеандромъ — Яруславъ, Илья Муромецъ и князь Иванъ; ихъ держитъ у себя въ звѣриной метаморфозѣ магъ Софантъ.

поводу, читаемъ: „Владимиръ подъ старость лѣтъ посылаетъ одного изъ богатырей (очевидно, Добрыню) на подвиги. Время ужасное для него приближается, въ которое прошлое должно быть заглажено. Добрыня испытываетъ многія очарованія, слѣдствія одного и съ нимъ однимъ разрушающіяся. Въ то же время война съ Печенѣгами, въ коей успѣхъ соединенъ съ тѣмъ же очарованіемъ“. Къ этому прибавлено: „заимствовать изъ Zauberling“; вѣроятно, имѣется въ виду Zauberling Ла-Моттѣ-Фукэ (1813 года). Въ письмахъ къ Воейкову и Тургеневу встрѣчается почти одна и та же фраза: „молись же судьбѣ, чтобы вдругъ меня не ослѣпило (т.-е. счастье брака). Это значитъ: пріѣзжай, и въ бѣлой книгѣ наполнятся страницы“¹⁾, „молись, братъ, чтобы въ бѣлой книгѣ наполнились страницы“ (письмо къ Тургеневу середины марта 1814 г.). „Скандинавскій замокъ“ Батюшкова прелестенъ, пишетъ онъ Ал. Тургеневу въ сентябрѣ 1814 года, „онъ поджигаетъ меня на поэму. Эта мысль уже давно въ головѣ моей; теперь будетъ зрѣть и созрѣетъ.... Нѣтъ-ли у тебя какихъ-нибудь пособій для Владимира? Древностей, которыя бы дали понятія о томъ вѣкѣ старинныхъ русскихъ повѣстей? Посовѣтуйся объ этомъ съ Дашковымъ и съ Сергѣемъ Семеновичемъ (Уваровымъ)“. „Я поищу у себя и у другихъ матерьяловъ для твоего Владимира, отвѣчаетъ Тургеневъ. Дашковъ уже въ Москвѣ, съ Уваровымъ, который обнимаетъ тебя, совѣтоваться буду, но мысли мои давно бродятъ на сѣверѣ и мало встрѣтили для тебя полезнаго. Развѣ скандинавскія и шотландскія баллады не представляютъ-ли чего сроднаго? Уваровъ намѣревался прислать тебѣ нѣкоторыя баллады шотландскія. Я еще не получалъ ихъ, а въ томъ, что читалъ, находилъ многое, что мнѣ тебя напоминало“²⁾. Пріятели интересовались; увлеченный поэмами Вальтеръ-Скотта, Уваровъ признается Жуковскому, что какъ онъ ни влюбленъ въ греческую поэзію, но она „не такъ къ намъ близка, какъ туманныя, фантастическія изображенія сѣверныхъ бардовъ“. Онъ приглашаетъ Жуковскаго заняться поэмою въ родѣ Вальтеръ-Скотта. „Двѣ эпохи можно назвать пѣти-

1) Русскій Архивъ 1900 г. № 9, стр. 19, письмо 13 февраля 1814 г.: къ Воейкову.

2) Ал. Тургеневъ въ неизданномъ письмѣ къ Жуковскому 2 октября безъ года (= 1814 г.).

ческими: классическую, т. е. эпоху грековъ, и романтическую, т. е. эпоху среднихъ вѣковъ, des Mittelalters. Мы и слѣды потеряли къ таковому расположенію умовъ“¹⁾). Вскорѣ онъ найдетъ у насъ и средніе вѣка и расположеніе умовъ. Когда Капнистъ указалъ ему на интересъ, представляемый нашими народными пѣснями, онъ отвѣчалъ ему въ 1814 году²⁾): „безъ собственныхъ формъ, языку нашему свойственныхъ, намъ никогда нельзя имѣть истинно-народной словесности.... Русской языкъ имѣетъ въ своихъ древнихъ памятникахъ большое изобиліе въ метрическихъ формахъ, но эта золотая руда еще въ нѣдрахъ земли сокрыта“. Надо надъ этимъ потрудиться. „Я часто о семъ предметѣ бесѣдовалъ съ моимъ пріятелемъ Жуковскимъ, котораго превосходный талантъ въ поэзіи довольно пзвѣстенъ; я часто предлагалъ ему написать русскую поэму *русскимъ размеромъ*, предоставляя судить ему, какой метръ между русскими способнѣе къ продолжительному сочиненію. Зачѣмъ, я говорилъ ему, не избрать эпоху древней нашей исторіи, которую можно назвать эпохою нашего рыцарства, въ особенности эпоху, предшествовавшую введенію христіанской религіи? Тутъ вы найдете въ изобиліи всѣ махины, нужныя въ поэмѣ. Что можетъ быть для поэта обширнѣе нашихъ походовъ на Царьградъ? Что разнообразнѣе древняго нашего баснословія? Съ какимъ искусствомъ предстоитъ вамъ соединить ея оригинальныя сѣверныя формы съ блистательными появленіями Востока? Какимъ волшебнымъ свѣтомъ можетъ поэтъ озарить берега днѣпровскіе, стѣны Кіева, Восфоръ и златыя вершины Царьграда? Въ этой эпохѣ исторія сопутствуема баснословіемъ; поэтъ можетъ произвольно черпать изъ той и другой, составляя цѣлое не по слѣдамъ Гомера, потому что мы не греки, не по слѣдамъ Тасса и Аріоста, потому что они писали для своего народа“. — Сходно въ статьѣ Батюшкова того же года: „Г. Уваровъ, въ письмѣ своемъ о гексаметрѣ, говоритъ между прочимъ, что русскіе могутъ имѣть свою отечественную поэму, и назначаетъ для оной именно эпоху до христіанства и послѣдующую, которую называетъ онъ эпохою нашего рыцар-

1) Письмо Уварова къ Жуковскому 17 августа 1818 г., Русский Архивъ 1871 г., 2, ст. 0161—2.

2) Чтенія въ бесѣдѣ любителей русскаго слова 1815 г. Чт. 17, стр. 64 слѣд.

ства.... Если г. Жуковскій согласился на его приглашеніе написать поэму изъ нашей исторіи, то онъ долженъ непременно избрать сей періодъ отъ рожденія славянскаго народа до раздѣленія княжества по смерти Владимира. Мы пожелаемъ съ г. Уваровымъ, чтобъ авторъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, „Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ“ и пр., поэтъ, который умѣетъ соединять пламенное, часто своенравное воображеніе съ необыкновеннымъ искусствомъ писать, посвятилъ жизнь свою на произведенія такого рода для славы отечества.... и не истощалъ бы своего безцѣннаго таланта на блестящія бездѣлки“¹⁾.

Еще поѣздка Жуковскаго въ Дерптъ не была рѣшена, но письмо Маши его ободрило и, отвѣчая ей, онъ пишетъ: „Владимиръ будетъ написанъ“ (15 сентября 1814 г.)²⁾. Собираясь въ путь и составляя планъ будущей жизни и занятій, онъ намѣчаетъ: „матеріалы для Владимира. Владимиръ.... баллады, посланіе къ Государю.... Оберонъ.... *Eloisa to Abelard — Der Mönch und die Nonne*“³⁾; проситъ Тургенева достать у Уварова обѣщанныя англійскія книги (*Southey, Thalaba the Destroyer* и *Hoole, Arthur or the Northern Enchantment*), онѣ могутъ пригодиться для его Владимира, который крѣпко гнѣздится у него въ головѣ⁴⁾. „Я не шутя начинаю думать о поэмѣ; уже и Карамзинъ (милый, единственный Карамзинъ, образецъ прекраснѣйшаго человѣка) мнѣ помогаетъ. Я провелъ нѣсколько сладостныхъ дней, читая его исторію. Онъ даже позволилъ мнѣ дѣлать выписки. Эти выписки послужатъ мнѣ для сочиненія моей поэмы. Но какъ еще много надобно накопить матеріаловъ! Жизнь дерптская, дерптская библіотека, все это создастъ Владимира“ (ему же 4 марта 1815 г. Москва). — 11-го іюня 1815 г. онъ пишетъ Кирѣевской, что хочетъ побывать въ Дерптѣ „на крестинахъ“; „потомъ назадъ въ Петербургъ что-нибудь для себя состряпать. Это что-нибудь не иное что, какъ пенсіонъ, который мнѣ хочется для себя выхлопотать. Если же не удастся, то уѣду безъ всего и буду работать музамъ и славѣ, нимало не

1) Соч. Батюшкова, II, стр. 410, III, стр. 644 прим. къ стр. 99, I, стр. 189 прим. 1.

2) Сл. выше стр. 179.

3) См. Бумаги Жуковскаго, стр. 7—8; сл. ib. стр. 32—3: Монахъ.

4) Письмо къ Тургеневу изъ Долбина 1 декабря 1814 г.

заботясь о прочемъ.... Примусь прилежно за Владимира, и онъ вѣрно дастъ мнѣ гораздо больше состоянія, нежели когда-нибудь служба“¹⁾. — „Вѣроятно, что старому дѣду (Шишкову) не достанется ценсоровать Владимира“, писалъ Уваровъ, вызывая Жуковского изъ Дерпта въ Петербургъ по желанію Императрицы (29 іюля 1815 г.²⁾. Въ началѣ августа того же года Жуковский мечтаетъ въ Дерптѣ: „мнѣ бы хотѣлось въ половинѣ будущаго года сдѣлать путешествіе въ Кіевъ и Крымъ. Это нужно для Владимира. Первые полгода я употребилъ бы на приготовленіе, а послѣдніе на путешествіе“ (къ Тургеневу, 4-го августа)³⁾.

30-го декабря 1816 г. Жуковскому назначена была пенсія въ 4.000 р. по докладу министра народнаго просвѣщенія А. Н. Голицына, передъ которымъ ходатайствовалъ о томъ А. И. Тургеневъ. Въ запискѣ, поданной имъ при этомъ случаѣ, говорится, что при талантѣ Жуковского отъ него можно ожидать новыхъ успѣховъ и что онъ „безъ дерзости можетъ предпринять одно изъ тѣхъ великихъ поэтическихъ твореній, коими ознаменованы славнѣйшіе вѣки въ словесности; влекомый желаніемъ воздвигнуть такой памятникъ себѣ и отечеству, онъ уже предполагаетъ эпохою своей поэмы назначить время, когда въ нашихъ лѣтописяхъ сумракъ баснословныхъ преданій смѣняется яснымъ свѣтомъ исторіи. Позволительно думать, что совершеніе столь великаго труда, кромѣ таланта, требуетъ еще и обстоятельствъ благопріятныхъ, особливо независимости отъ нуждъ недостаточнаго состоянія. При безкорыстномъ и благородномъ характерѣ Жуковского, сія независимость можетъ быть доставлена единственно черезъ помощь отъ престола“⁴⁾,

Жуковский считалъ царскій подарокъ „наградой за добрую надежду“, но, „чтобы написать что-нибудь важное, надо собрать для этого матеріалы. У меня сдѣланъ планъ: онъ требуетъ множества матеріаловъ историческихъ. Того, откуда я ихъ почерпнуть долженъ, съ собою взять не могу — а время между тѣмъ

1) Сообщено А. Е. Грузинскимъ. См. Предисловіе.

2) Русскій Архивъ 1871 г. № 2 стр. 0166.

3) Сл. Русская Старина 1883 г. апрѣль, письмо къ Кирѣевской отъ 1 августа 1815 г.

4) Русская Старина 1901 г. августъ: Записка А. И. Тургенева о В. А. Жуковскомъ, представленная имъ въ 1816 г. къ А. Н. Голицыну, стр. 393.

летить. Что, если оно улетитъ и умчитъ съ собою возможность что-нибудь сдѣлать? Я столько потерялъ времени, что теперь каждая минута кажется важною. Вся моя протекшая жизнь есть не иное что, какъ жертва мечтамъ — жалкая жертва! Я боюсь, не потерялъ ли я уже возможности пользоваться настоящимъ“. Всѣхъ своихъ книгъ ему не перетащить съ собою; „сверхъ того я беру здѣсь лекцію, именно для моего плана весьма важную. Она продолжится отъ февраля до конца мая и должна облегчить мнѣ большой трудъ. Однимъ словомъ, въ нынѣшнемъ и будущемъ году я долженъ написать что-нибудь важное; безъ этого душа не будетъ на мѣстѣ“¹⁾.

Если и въ данномъ случаѣ разумѣется „Владимиръ“, что вѣроятно, то тѣмъ интереснѣе встрѣтитъ Воейкова, и въ томъ же году, на путяхъ Жуковского. Весною 1816 г. онъ собрался въ Крымъ и Кіевъ, и Жуковский просилъ для него у Тургенева рекомендательныхъ писемъ къ архіепископамъ Кіевскому, Черниговскому и Псковскому²⁾. Весной или въ началѣ лѣта Воейковъ уже уѣхалъ³⁾ съ открытымъ письмомъ отъ университета ко всѣмъ губернаторамъ и архіереямъ для оказанія ему содѣйствія „къ обозрѣнію всего примѣчанія достойнаго“. Въ просьбѣ къ совѣту университета Воейковъ мотивировалъ свое путешествіе тѣмъ, что хочетъ написать поэму о князѣ Владимірѣ и потому нуждается въ посѣщеніи тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣйствовалъ его герой⁴⁾. Въ стихотвореніи „Къ женѣ“ 10 ноября 1817 г. онъ напоминаетъ ей о Кіевскихъ впечатлѣніяхъ; „Посланіе къ моему другу-воспитаннику о пользѣ путешествія по Россіи“, написанное въ 1818 году⁵⁾, говоритъ о Владимірѣ, который „въ свѣтлыхъ теремахъ, гдѣ вкругъ заря видна, Гдѣ солнце въ день, въ ночь звѣзды и луна, Пилъ сладострастье полной чашей; Сребромъ и златомъ посыпалъ И въ пологаяхъ золототканныхъ, На скатертяхъ камчатныхъ браныхъ, Князей, богатырей и гридней угощалъ“, пока Духъ Святой не „назначеналъ своей Владиміра печатью: Жива душа! убита плоть!“

1) Плетневъ, О жизни и сочиненіяхъ Жуковского; сл. Соч. и переписка П. А. Плетнева т. III, стр. 79.

2) Письмо Жуковского къ Тургеневу изъ Дерпта, 12 апрѣля 1816 г.

3) Сл. письма къ Тургеневу №№ LXXIV—LXXV и LXXVIII.

4) Сл. Пѣтуховъ, Каѳедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ Университетѣ. Юрьевъ, 1900 г., стр. 43.

5) Сл. Вѣстникъ Европы 1818 г. № 12, іюнь, стр. 270 слѣд.

Была ли это затѣя, или предлогъ для поѣздки, мы не знаемъ; Жуковскому удалось побывать въ Кіевѣ лишь въ 1837 г.; что до его Владимира, то слѣды его становятся рѣже. Повидимому о немъ говорится въ письмѣ къ Дмитріеву (1 марта 1817 г.): „готовлюсь! чтобъ хорошо обработать предметъ, взятый изъ нашей исторіи, надобно покороче познакомиться съ этою исторіею въ ея источникахъ: это я и дѣлаю. Безъ подмостокъ нельзя построить зданіе. Дай Богъ только не остаться съ одними подмостками“. — Въ бумагахъ 1819 г. есть пять зачеркнутыхъ строевъ, можетъ быть, относящихся къ какому-то эпизоду поэмы: „Лодоміръ и Милороза. Лодоміръ въ бесѣдахъ съ Владиміромъ“¹⁾. Дмитріевъ все еще надѣется, что Жуковский „побывавъ въ отчизнѣ Шиллера, Клейста, а, можетъ быть, и Виланда, воспламенилъ насъ обѣщанною поэмою во вкусѣ Оберона“²⁾. Надѣялся въ 1822 году и кн. Вяземскій: записываетъ „въ книгу литературныхъ упованій“ обѣщаніе Пушкина рассказать „Мстислава древній поединокъ“ — и ждетъ „съ нетерпѣніемъ давно обѣщанной поэмы Владимира, „который и послѣ Хераскова еще ожидаетъ себѣ пѣснопѣвца“³⁾. И въ то-же почти время Пушкинъ работаетъ въ Кишиневѣ надъ планомъ „Владимира“, причемъ хотѣлъ воспользоваться былинами, „Словомъ о Полку Игоревѣ“, Тассомъ — и Херасковымъ.

Затѣей осталась и другая повѣсть Жуковскаго на историческую, русско-нѣмецкую тему; изъ ея программы и набросковъ, относящихся къ 1814 г., видно, что дѣйствующими лицами являлись Гатредъ, одинъ изъ рыцарей, вызванныхъ епископомъ Альбертомъ въ Лифляндію, братъ его (Волкуинъ = Адольфъ; Родригъ) и Изара, похищенная братьями во время одного изъ ихъ походовъ⁴⁾. Очень вѣроятно, что на эту тему намекаетъ Жуковский въ 1819 г.: онъ будто бы нашелъ ее въ какомъ-то „пергаментномъ истлѣвшемъ спискѣ“, написанномъ „славянскимъ древнимъ языкомъ“, но списокъ принадлежитъ, вѣроятно, къ категоріи тѣхъ рукописей временъ Владимира, на которыхъ, будто-бы, основана „Марьяна Роца“; списка того онъ разобрать еще не могъ, докладываетъ поэтъ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, но знаетъ, что въ немъ преданье

1) Бумаги Жуковскаго, стр. 82.

2) Къ Ал. Тургеневу 18 августа 1820 г.

3) Сынъ Отечества 1822 г. ч. 82, № 49, стр. 125.

4) Бумаги Жуковскаго, стр. 156.

Какое-то заключено
 О князѣ древнія Герсики,
 Котораго Альбертъ Великій,
 Епископъ, сжегъ (какъ то давно
 Изъ лѣтописцевъ намъ извѣстно).
 Еще упоминаетъ въ немъ
 О сынѣ князя молодомъ,
 О розѣ, о любви чудесной
 Какой-то дѣвы неземной
 И прочее. Итакъ, быть можетъ,
 Когда фантасія поможетъ
 Мнѣ подружиться съ стариной,
 Я разгадаю списокъ мой,
 Быль небылицами приправлю
 И всеподданнѣйше представлю
 Вамъ, государыня, въ стихахъ
 О томъ, что было въ древни лѣты
 На тѣхъ счастливыхъ берегахъ,
 Гдѣ павильонъ Елизаветы.

(Государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ первый отчетъ о лунѣ въ іюнѣ 1819 года).

Добавленные стихи (3-го августа) говорятъ, что поэтъ не могъ одинъ добраться до смысла рукописи, таинственно зарытой подъ древній пень, гдѣ ее до нынѣ сторожила „волшебная кошка“, но „Ливій Сѣвера“¹⁾ помогъ ему понять „непонятный слогъ“, выбрать золото изъ сора и силой воображенія исторгнуть изъ сумрака старины. „И вотъ я сдѣлалъ переводъ стариннаго рукописанья и т. д. до 150 стиховъ“ (на этомъ обрывается приписка). Жуковский былъ, повидимому, на пути къ инородческому романтизму, который воздѣлывали Марлинскій, Кюхельбекеръ, Языковъ и недолюбливалъ Катенинъ.

Попытки силой воображенія освѣтить сумракъ русской старины, такъ долго занимавшія поэта и его друзей, чаявшихъ ему отъ того славы, привели его, хотя и поздно, къ сознанію, что „древняя исторія Россіи слишкомъ для насъ далека и трудно угадать и живо представить сіи времена отдаленныя:

1) Сл. Отрывокъ изъ письма къ И. И. Дмитріеву 1813 года: Карамзинъ—нашъ Ливій Славянинъ.

слишкомъ будетъ ощутителенъ вымыселъ поэтической“. Но тутъ же онъ раскрываетъ ему двери, перечисляя возможные, не столь отдаленные сюжеты: времена междоусобія, Мономахъ, Изяславъ, Всеволодъ Великій и т. д. — до Іоанновъ, Василя Темнаго, Годунова, междоусобія; „все это полно удивительной жизни. Но надобно быть великимъ творцомъ, чтобы воздвигнуть стройное зданіе изъ щебня лѣтописей“, надобно быть такимъ „гигантомъ“, какъ Вальтеръ Скоттъ и Шекспиръ. „Что еслибъ нашелся Шекспиръ для русской исторіи и своимъ гениемъ дополнилъ, описалъ и олицетворилъ то, о чемъ умолчала наша скудная лѣтопись?“ (Мысли и замѣчанія 1846—1847 гг.).

Мы не вправѣ прилагать къ Жуковскому мѣрку нашего реального и эстетическаго пониманія народности; она не лежала въ сферѣ его непосредственныхъ интересовъ. Въ 1837 г. онъ промчался по Россіи отъ Сибири до Крыма, но дневники его путешествія, по настроенію и направленію наблюденій, ничѣмъ не отличаются отъ его старыхъ, заграничныхъ; не видно подъема симпатій къ развернувшимся передъ нимъ картинамъ народной жизни. По прежнему онъ зарисовываетъ виды: на Губерлинской станціи его поразили „горы, какъ левъ или крокодилъ, лежащія поперекъ. Камни, какъ бородавки“ (11 іюня); „крестьяне на дорогѣ въ хорошей одеждѣ“ (6 іюня). Мѣстные историческія воспоминанія схематизируются огуломъ, безъ оглядки, въ общее положеніе или размышленіе съ расплывающимися поэтическими контурами. Въ Угличѣ Жуковскій записываетъ: „Церковь на крови. Рака; земля, наптанная кровью, и образъ. Нижняя церковь. Лампада (оправданіе православія. Для будущаго вѣра, для настоящаго смиреніе, для прошедшаго благословеніе). Энтузіасмъ. Чувство святое; слезы; но ребяческое. La raison. Le sentiment. Дѣло правительства“ (8 мая).

Поэтическое „дополненіе“ исторіи, о которомъ говорилъ Жуковскій, требуетъ ея пониманія, не безпочвенной, хотя бы и не предвзятой идеализаціи. Она была бы возможнѣе, если бы ей предшествовали другія, поэтическія, на которыя новому поэту можно было бы опереться, хотя бы въ смыслѣ того подражательнаго творчества, которое Жуковскій возвелъ въ теорію. Романтики читали не однѣ хроники, но миннезингеровъ и Нибелунги; имъ стоило только разбудить „Спящую красавицу“, намъ надо было ее создать. Было бы интересно

сравнить наши древніе литературные памятники съ „бездной поэмъ, романсовъ, героическихъ и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихъ, коими наводнены европейскія литературы среднихъ вѣковъ, писалъ въ 1834 году Пушкинъ. Въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа намъ можно было бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе завоеванія скандинавскаго съ завоеваніемъ мавровъ. Мы увидѣли бы разницу между простодушіемъ стараго французскаго трувера и лукавой насмѣшливостью скомороха, между площадной полудуховной мистеріей и затѣями нашей старой комедіи. Но, къ сожалѣнію, старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь, и на ней возвышается единственный памятникъ: Пѣснь о Полку Игоревѣ“.

Ко всему этому присоединился и личный моментъ: Жуковский не эпикъ, онъ лирикъ даже тогда, когда становится разсказчикомъ, прислушиваясь къ сказкамъ и къ мѣрному паденію греческаго гекзаметра. Вотъ почему не могъ удасться его „Владимиръ“. „Странствующій Жидъ“ не поэма, а лирическая исповѣдь.

Жуковский — лирикъ, даже въ подражаніи дававшей *свое*, отдававшей *себя*. Именно эта потребность отдаться, способность занять собою и сдѣлала его у насъ первымъ поэтомъ *непосредственнаго чувства*. Районъ его поэтическаго настроенія крайне бѣденъ, онъ не могъ быть послѣдовательно Вертеромъ и Фаустомъ; онъ односторонень, но эта односторонность цѣльная, исчерпывающая все его существо: онъ весь погруженъ въ себя, открываетъ въ себѣ цѣлый міръ неизвѣданныхъ ощущеній и всѣхъ заинтересовалъ исторіей своей души. Какъ штурмеры отдыхали на Клопштокѣ отъ галантнаго воркованья XVIII-го вѣка, такъ „рѣзвая радость“ прислушивается у Пушкина къ стихамъ Жуковского. Дѣло не въ одной ихъ „плѣнительной сладости“, которая заражала, а въ чемъ-то другомъ. Жуковского мѣрятъ „клеименнымъ аршиномъ“, замѣчаетъ для себя князь Вяземскій ¹⁾: „ни форма его понятій, чувствованій

1) Въ „Записной книжкѣ“, Полное собраніе сочиненій князя Вяземскаго, т. IX, стр. 80: несомнѣнно 1819 года.

и самого языка не отлиты по другим нашим образцамъ. Пожалуй, говори, что онъ дурень, но не сравнивай же его съ другими, или молчи, потому что ты не знаешь, что такое есть поэзія“. Стихотворныя красоты языка Жуковскаго могутъ поблекнуть, „поэтическія всегда свѣжи, всегда душисты“, писалъ въ 1819 году князь Вяземскій Ал. Тургеневу ¹⁾: поэтическія красоты правдиваго настроенія, радостно-унылаго, чающаго; полусвѣтъ, гдѣ утраты сходятся съ надеждами, вещественное съ нездѣшнимъ, и горизонты таютъ въ таинственной дали „невыразимаго“; образы, расплывающіеся въ мелодію; чувство, цѣломудренно останавливающееся на порогѣ страсти. Молодость увлекалась имъ, потому что и самъ онъ былъ до гроба ребенкомъ, смотрѣвшимъ „на свѣтъ сквозь призму сердца, какъ поэтъ“, и мечталъ при лунѣ, уходя отъ низости настоящаго къ „очарованному тамъ“. Глинка, въ 1826 году положившій на музыку два „тоскливыхъ романа“ Жуковскаго („Свѣтитъ мѣсяць на кладбищѣ“ и „Бѣдный Пѣвецъ“), сознается, что сентиментальная его поэзія „трогала его до слезъ, потому что въ молодости онъ былъ парень романическаго устройства и любилъ поплакать сладкими слезами умиленія²⁾. Жуковскій—„всего прекраснаго пѣвецъ“ и „идолъ дѣвственныхъ сердецъ“ (Евг. Онѣгинъ), выразился Пушкинъ; „единственный изъ насъ, который *умѣетъ любить*“³⁾; какъ въ 1803 году Ал. Тургеневъ сравнивалъ его съ Петраркой, такъ въ 1827 году старикъ Тидге называлъ его *mein edler Frauenlob* ⁴⁾. Гоголь говоритъ о „благоговѣйной задумчивости“, проносащейся сквозь всѣ его картины, исполняющія ихъ „того грѣющаго, теплаго свѣта, который наводитъ необыкновенное успокоеніе на читателя. Становишься типе во всѣхъ своихъ порывахъ, и какою-то тайною замыкаются твои уста“⁵⁾. И Кирѣевскій вторитъ: поэзія Жуковскаго „передала намъ ту идеальность, которая составляетъ отличительный характеръ нѣмецкой жизни, поэзіи и философіи“, онъ развилъ (въ нашей поэзіи) „сторону идеальную, мечтательную“⁶⁾.

1) Сл. выше стр. 488.

2) Записки Мих. Ив. Глинка, Русская Старина 1870 г., май, стр. 480.

3) Записки Смирновой, I, стр. 304.

4) Сл. выше стр. 342.

5) „Въ чемъ-же наконецъ существо русской поэзіи“, Соч. Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 179.

6) Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго, I, стр. 22, 23.

Полевой благоговѣть передъ „младенческою чистотою“ души Жуковскаго, „переливавшейся постоянно съ гармоническимъ журчаніемъ, не смотря на то, по какимъ-бы скаламъ, падавшимъ въ нее со всѣхъ сторонъ, не текла струя думъ поэта“¹⁾).

Подъ обаяніемъ этой поэзіи долго оставались его старые сверстники, когда кругомъ уже наступилъ перебой литературныхъ вкусовъ. Вигель вспоминалъ, какъ, пристрастившись въ Бѣлевскомъ уединеніи къ нѣмцамъ, Жуковскій сталъ подчивать русскихъ читателей „произведеніями, которыя по формѣ и содержанію своему не совѣмъ приходились намъ по вкусу. Упитанные литературою древнихъ и французскою, ея покорною подражательницею, . . . мы въ выборахъ его увидѣли нѣчто чудовищное. Мертвецы, привидѣнія, чертовщина, убійства, оовѣщаемыя луною, да это все принадлежитъ къ сказкамъ да развѣ англійскимъ романамъ; вмѣсто Геро, съ нѣжнымъ трепетомъ ожидающей утопающаго Леандра, представить намъ бѣшено страстную Ленору со скачущимъ трупомъ любовника! Надобенъ былъ его чудный даръ, чтобы заставить насъ не только безъ отвращенія читать его баллады, но, наконецъ, даже полюбить ихъ. Не знаю, испортилъ-ли онъ нашъ вкусъ, по крайней мѣрѣ создалъ намъ новыя ощущенія, новыя наслажденія. Вотъ и начало у насъ романтизма“²⁾). Блудовъ перечитываетъ стихотворенія своего друга съ благодарностью: „О, Жуковскій, если бы я не имѣлъ къ тебѣ чувства дружбы, сего чувства, въ коемъ все сливается, и почтеніе къ благородной душѣ твоей, дѣвственной отъ всѣхъ порочныхъ побужденій, и безцѣнное ощущеніе твоей любви, наконецъ, и воспоминаніе первыхъ лѣтъ и надеждъ, Жуковскій, я бы еще любилъ тебя за минуты, въ которыя оживляюсь твоими стихами, какъ увядающій цвѣтокъ возвращеннымъ свѣжимъ воздухомъ“. Два дня онъ страдалъ „моральною болѣзнію“, способности души и ума окаменѣли, онъ утопалъ въ какой-то пустотѣ и искалъ себя, но случай привелъ на память давно нечитанные стихи Жуковскаго, и онъ „почувствовалъ свое сердце. Очаровательная музыка! Тобой я буду лѣчиться отъ новой тарантулы, которая не даетъ смерти, но отнимаетъ жизнь“³⁾). Имя Жуковскаго завѣтно

1) Очерки I, стр. 118.

2) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, ч. 3, стр. 135—6.

3) Е. Ковалевскій, Графъ Блудовъ и его время: Мысли и замѣтки графа Блудова, стр. 251.

для насъ, поминалъ баронъ Розень: „сладостные, задумчивые, души исполненные звуки его арфы раздавались упоительно въ мірѣ нашихъ юношескихъ мечтаній, отзывались глубоко въ нашей душѣ“ 1).

Но и на мечтанія и на луну есть мода; люди захотѣли солнца, веселой энергіи дня, не одного только счастья унынія. Жуковский ничѣмъ не „грянулъ“ въ отвѣтъ на эти требованія, а пожалѣлъ о быломъ:

Оно прошло то время золотое,
Съ природы снятъ магическій вѣнецъ;
Свѣтъ узанный свое лицо земное
Разоблачилъ — и призракамъ конецъ.

(Ундина, Посвященіе 1836 г.).

Жуковский и самъ ощущалъ, что пережилъ свое время; хотѣлось бы мнѣ, пишетъ онъ Кирѣевскому,

старости своей
По старому хотя на мигъ одинъ
Дать съ молодостью вашей разгуляться,
Но чувствую, что на пиру ея,
Гдѣ все кипитъ, поетъ, кружится, блещетъ,
Неловко старику; но вашъ ужъ ладъ
Мнѣ не поется; лѣта измѣнили
Мою поэзію; она теперь,
Какъ я, состарѣлась и присмирѣла;
Не увлекается хмѣльнымъ восторгомъ;
У рубежа вечерней жизни сидя,
На прошлое безъ грусти обращаетъ
Глава и, думая о томъ, что насъ
Въ грядущемъ ждетъ, молчитъ.

(Двѣ Повѣсти 1844 г.).

Онъ отказался отъ рѣшмы: „она, я согласенъ, даетъ особенную прелесть стихамъ, но мнѣ она не подъ лѣта.... Она модница, нарядница, прелестница, и мнѣ пришлось бы худо отъ ея причудъ. Я угождалъ ей до сихъ поръ, какъ любовникъ,

1) Библиотека для чтенія 1849 г., т. 96, Критика, стр. 35.

часто весьма неловкій; около нея толпится теперь множество обожателей, вдохновенныхъ молодостью; съ иными она кокетничаетъ, а другихъ сама бѣшено любитъ (особенно Языкова). Куда мнѣ за ними? Я сдѣлался смиреннымъ поэтомъ разскащикомъ“ (Къ И. В. Кирѣевскому 1844 г.). Молодое поколѣніе читать его не будетъ, писалъ онъ А. Мих. Тургеневу ¹⁾; онъ не надѣется, чтобы его произведенія „возбудили какое-нибудь впечатлѣніе на Руси“, повторяетъ онъ П. В. Нащокину ²⁾; „мысль и чувство и вкусъ всей читающей русской публики искажены до того, что и Жуковскому ходу нѣтъ“, жаловался въ это время Шевыревъ ³⁾. Для новаго поколѣнія онъ слишкомъ старъ — и слишкомъ молодъ. Въ 1815 году онъ любовался младенческой душой старца Эверса, какъ съ конца 20-хъ годовъ душой Радовица ⁴⁾; ему скоро стукнетъ 60 лѣтъ, а онъ „еще не устарѣлъ ни сердцемъ, ни мыслию, во многомъ даже еще дитя“ ⁵⁾. Въ 1820 году онъ писалъ кн. Оболенской:

въ тридцать слишкомъ лѣтъ
Я все дитя, и буду вѣчно
Дитя, жилецъ земли безпечный.

„Для меня нѣтъ ничего величественнѣе старика, богатаго прекрасными воспоминаніями, писалъ онъ 1 января 1833 г. (Наслѣднику цесаревичу); онъ похожъ на спокойнаго младенца, съ тою только разницею, что младенецъ выходитъ изъ колыбели къ здѣшной жизни, а старикъ приближается къ гробу, который есть колыбель жизни безсмертной, и смерть въ такомъ смыслѣ не есть-ли прекрасное рожденіе?“ ⁶⁾. Онъ любитъ представлять себя самого въ колыбели, гдѣ до старости лѣтъ, онъ „лежалъ веселымъ младенцемъ и посматривалъ на все окружающее мою люльку сквозь сонъ поэтическій“; и вдругъ, отрезвившись, онъ всталъ изъ нея „шестидесятилѣтнимъ старикомъ и только тутъ догадался, что наша жизнь не поэтиче-

1) Сл. выше стр. 440.

2) Сл. выше стр. 446.

3) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, III, стр. 741.

4) Сл. выше стр. 401—2.

5) Къ Наслѣднику 1 / 13 января 1843 г.

6) Сл. афоризмъ въ альбомѣ Жуковского, выше, стр. 313, прим. 1

скій сонъ, а строгое существенное испытаніе“¹⁾. Въ другой разъ онъ говорить о „старческой колыбели“, изъ которой онъ вышелъ для новой жизни—въ семьѣ²⁾. Ein Kinderherz, das nicht altert (Justinus Kerner)³⁾. Это одинъ изъ мотивовъ его старческой поэтики.

Когда то ему понравился образъ умирающаго съ пѣсней лебеда („Умирающій лебедь“ 1827 г.); за годъ до смерти онъ вернулся къ нему какъ то лично, инстинктивно:

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на ложѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни, переживши, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой;
Сумрачный пустынный, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый
Брошенный обломокъ, въ новый лебединый
Свѣтъ на пиръ веселый гость неприглашенный,
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагосклонный
Рѣзвой молодежи.

А она тѣшится, перекликаясь на голубомъ лонѣ озера, „полная желаньемъ жизни своевольной“, сторонясь печальнаго старика. Его „монументальный“ образъ ее пугаетъ, а онъ, „пращуръ лебединый“, уходитъ въ славныя воспоминанія пережитыхъ имъ историческихъ дней. Такъ „лебедь позабытый таялъ одиноко“. И вотъ однажды молодыхъ лебедей поразилъ „голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной“; они присмирѣли прилетѣли на голосъ:

Передъ ними вновь помолодѣлый,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Голову на шеѣ гордо распрямленной
Къ небесамъ подъявля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины

1) Къ Смирновой 19 февраля / 3 марта 1847 г.

2) Къ Наслѣднику 1 / 13 июля 1847 г.

3) См. выше стр. 454.

Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый;
 И когда допѣлъ онъ, на небо взглянувши,
 Къ небу, какъ во время оное бывало,
 Онъ съ земли рванулся,.... и его не стало
 Въ высотѣ.... и навзничъ съ высоты упалъ онъ;
 И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
 Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
 Въ небеса вперяя взоръ ужъ не горящій.

(„Царскосельскій Лебедь“ 1851, г.).

Въ 1851-мъ году Жуковскій получилъ письмо отъ Чаадаева (письмо 27-го мая), когда-то завзятаго европейца, теперь при-
 смирѣвшаго и обрусѣлаго. Онъ звалъ его на родину — водво-
 рить въ русской литературѣ миръ и порядокъ. Не стало автори-
 тетовъ, некому поучить. „Зажались вы въ чужой глуши; право
 грѣхъ! Почемъ знать? Можетъ статься, Богъ и наградитъ васъ
 за доброе дѣло и возвратитъ здоровье женѣ вашей на землѣ
 православной.... Безначаліе губить насъ. Ни въ печатномъ,
 ни въ разговорномъ кругѣ не осталось никого болѣе изъ той
 кучки людей почетныхъ, которые недавно еще начальствовали
 въ обществѣ и имъ руководили, а если кто и уцѣлѣлъ, то дрях-
 лѣетъ въ одиночествѣ ума и сердца. Всѣ у насъ нынче толку-
 ютъ про какое-то направленіе: не направленіе намъ нужно, а
 правленіе.... Никогда не видано было у насъ менѣе смиренія,
 какъ съ той поры, какъ стали у насъ многоглагольствовать про
 тотъ уставъ христіанскій, который болѣе всѣхъ прочихъ хри-
 стіанскихъ уставовъ учитъ смиренію, который весь ни что иное,
 какъ смиреніе. Такъ разумѣли его благочестивые наши предки;
 такъ разумѣли его святые наставники наши, воспитавшіе землю
 Русскую“¹⁾.

Молодое поколѣніе было иного мнѣнія, и въ письмѣ къ
 Погодину графиня Растопчина негодуетъ на тѣхъ, кто гово-
 рилъ и кричалъ, будто Жуковскій не имѣетъ никакого значе-
 нія ни для литературы, ни для Россіи, что онъ умеръ давно и
 что не зачѣмъ о немъ тужить; „онъ, видимо, рѣмоплетъ, а такъ
 какъ онъ кабаковъ и залавокъ не описывалъ, грязи не воспѣ-
 валъ, то въ немъ нѣтъ ничего *общечеловѣческаго*, вовсе никакой
гуманности, ни *конкрета*, ни *субъективности*, ни *абсолюта*, од-

1) Кирпичниковъ, Очерки 1. с., т. II, стр. 143 слѣд.

нимъ словомъ, ничего такого, что нынче прозывается гениальностью¹⁾.

Графиня Растопчина напечатала въ Сѣверной Пчелѣ стихотвореніе въ память Жуковскаго; Тютчевъ далъ его „вечерній“, идеализованный обликъ:

Я видѣлъ вечеръ твой: онъ былъ прекрасенъ;
Въ послѣдній разъ прощаясь съ тобой,
Я любовался имъ, и тихъ и ясенъ
И весь насквозь проникнуть теплотой....
О, какъ они и грѣли и сіяли —
Твои, поэтъ, прощальные лучи!....
А между тѣмъ замѣтно выступали
Ужъ звѣзды первыя въ его ночи.

Въ немъ не было ни лжи, ни раздвоенья....
Онъ все въ себѣ мирилъ и совмѣщалъ.
Съ какимъ радушіемъ благоволенья
Онъ были мнѣ Омировы читалъ!
Цвѣтушія и радужныя были
Младенческихъ, первоначальныхъ лѣтъ!
А звѣзды, между тѣмъ, на нихъ сводили
Таинственный и сумрачный свой свѣтъ.

По-истинѣ, какъ голубь, чистъ и цѣлъ
Онъ духомъ былъ, хоть мудрости змѣиной
Не презиралъ, понять еѣ умѣлъ —
Но вѣялъ въ немъ духъ чисто-голубинный.
И этою духовной чистотою
Онъ возмужалъ, окрѣпъ и просвѣтлѣлъ.
Душа его возвысилась до строю:
Онъ стройно жилъ, онъ стройно пѣлъ....

1) Барсуковъ, Погодинъ, XII, стр. 20. Сл. ея-же письмо къ Плетневу 8 августа 1852 года: „прекрасное молодое поколѣніе мыслителей и реалистовъ доказываетъ, что Жуковскій *давно умеръ для литературы*, да и прежде врядъ-ли существовалъ“, потому что онъ вовсе не имѣлъ центра инфлуэнціи и „пописывалъ стихи скорѣе для своего собственнаго удовольствія, чѣмъ для пользы русскаго языка и русско-й беллетристики“ Сл. Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, III, стр. 765—7.

И этот-то души высокій строй,
Создавшій жизнь его, проникшій лиру,
Какъ лучшій плодъ, какъ лучшій подвигъ свой,
Онъ завѣщаль взволнованному міру.
Пойметъ-ли міръ, оцѣнитъ-ли его?
Достойны-ль мы священнаго залога?....
Иль не про насъ сказало Божество:
„Лишь сердцемъ чистые — тѣ узрять Бога“.
(1852 г.).

Донесутся-ли пѣсни Жуковскаго къ будущимъ поколѣніямъ сквозь „вѣковъ завистливую даль“, какъ пророчилъ Пушкинъ? На такихъ поэтовъ, какъ онъ, бываетъ своя чередъ, чередъ и на психологическое настроеніе общества, когда то прислушивавшагося къ нему и на немъ воспитавшагося. И теперь еще мы ощущаемъ сладость его стиховъ, точно звуки „Золовой арфы“, откуда-то спускающіеся въ „низость настоящаго“. Но уже молодость, окружавшая „лебединаго пращура“, стала отказываться отъ порывовъ въ область „неизреченнаго“, стала искать поэзіи въ дѣйствительности, и не въ уединенной личности, а въ широкихъ движеніяхъ общественнаго организма. Осталась *правда настроенія*: завѣтъ Жуковскаго; это стало требованіемъ, и эта правда пройдетъ „вѣковъ завистливую даль“.



ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ ИЛЛЮСТРАЦИЯМЪ.

1. Портретъ В. А. Жуковскаго съ фотографіи, сдѣланной съ литографіи Эстеррейха 1820 г. Экземпляръ послѣдней находится у А. И. Гончарова (с. Ильинское, Зарайскаго уѣзда, Ряз. губ.), фотографическій снимокъ любезно предоставленъ былъ мнѣ Е. Е. Рейтерномъ.

2. (Къ главѣ III-й) Портретъ М. А. Протасовой, карандашемъ на зеленоватой бумагѣ, съ помѣтой 1811 г., нынѣ въ собраніи Е. Е. Рейтерна; снимокъ въ натуральную величину. Другой экземпляръ, руки Жуковскаго, въ альбомѣ Елагинной, откуда воспроизведенъ въ альбомѣ московской выставки 1902 года въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго л. 65.

3. (Къ стр. 233—4) Два, повидимому, незаконченныхъ рисунка карандашемъ, изъ коллекціи Е. Е. Рейтерна, взяты изъ альбома А. А. Воейковой ея внукомъ, графомъ Бревернъ-дела-Гарди. Они номерованы, бумага съ золотымъ обрѣзкомъ Whatman 1821 г.; снимки немного уменьшены.

4. (Къ главѣ VIII-й) Портретъ гр. С. А. Самойловой—фототипія съ акварели, принадлежащей гр. Ал. Андр. Бобринскому. Акварель — копія, сдѣланная въ генварѣ 1892 года съ оригинала, писаннаго, какъ говорятъ, Соколовымъ въ 1822 году, когда гр. Самойлова была уже замужемъ за гр. Бобринскимъ. Оригиналъ находится въ альбомѣ, нѣкогда принадлежавшемъ гр. Григорію Строганову и затѣмъ перешедшемъ къ его дочери Еленѣ Григорьевнѣ, въ первомъ бракѣ за графомъ Шереметевымъ.

5. (Къ главѣ XIII-й) Портретъ Е. А. Жуковской писанъ въ 1842 г. въ Дюссельдорфѣ профессоромъ Зономъ и литографированъ Шертле (сл. выше стр. 424, прим. 1). Фототипія сдѣлана съ экземпляра литографіи, принадлежащаго Е. Е. Рейтерну.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Введеніе	1— 30
I. Эпоха чувствительности	31— 46
II. Юные годы. Первый опытъ сентиментальнаго увлеченія и идеаль дружбы. М. Н. Свѣчина и Андрей Тургеневъ .	47— 99
III. Пора самообразованія и душевнаго одиночества.—М. А. Протасова	100—186
IV. А. Ѳ. Воейковъ	187—184
V. Дерптская жизнь	185—219
VI. У чужаго счастья. Двѣ родныя могилы	220—248
VII. Лирика чувства и ея личныя мотивы	249—269
VIII. При дворѣ. Графиня Самойлова. Поэзія мадригала и „сердечнаго воображенія“	270—294
IX. Опасенія друзей	295—318
X. Литературныя ожиданія. Жуковскій о Байронѣ, Шил- лерѣ и Гёте	319—360
XI. Общественныя взгляды Жуковскаго	361—381
XII. „Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній“. „Милости про- симъ, святая проза“	382—415
XIII. Въ своей семьѣ. Идиллія Одиссеи	416—464
XIV. Поэтика романтиковъ и поэтика Жуковскаго	465—504
XV. Народность и народная старина въ поэзіи Жуковскаго .	505—546

